

МВ и ССО РСФСР
УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. М. ГОРЬКОГО

О. А. Васьковский

ИСТОРИОГРАФИЯ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА УРАЛЕ .

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

ТЗ(2Р36) 712.9—9
В 199

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Уральского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. А. М. Горького

Научный редактор доцент,
кандидат исторических наук **Н. М. Щербакова**

Рецензенты: проф. **В. С. Скробов**;
кафедра истории КПСС
Свердловского института народного хозяйства.

ВВЕДЕНИЕ

Урал относится к числу таких районов страны, которые привлекали и привлекают особое внимание историков гражданской войны. И это вполне объяснимо. В самом деле, в ходе и исходе вооруженной борьбы советского народа с интервентами и белогвардейцами Урал сыграл важную роль. Как известно, именно на Востоке, в частности на Урале, международному империализму удалось впервые в широком масштабе объединить свои силы с российской буржуазно-помещичьей реакцией и навязать нашей стране серьезную и длительную гражданскую войну. На Урале и на Волге дважды за время войны решалась судьба социалистической революции. Здесь началось строительство регулярной Красной Армии, был создан первый фронт гражданской войны — Восточный, прикрывший от империалистической агрессии жизненно важные центры Республики. Здесь совершенствовалось советское полководческое мастерство, вырабатывались методы оперативного и политического руководства войсками.

О событиях гражданской войны и военной интервенции на территории нашего края написана сейчас весьма обширная литература. Она насчитывает сотни названий монографий, научных статей, воспоминаний, популярных книг и документальных сборников. В научный оборот введен огромный фактический материал, который дал возможность разработать очень широкий круг военных, социально-экономических и политических проблем, осветить многие стороны жизни трудящихся масс в период борьбы за укрепление Советской власти.

Предприняты и историографические исследования с целью установить степень изученности темы или ее важнейших аспектов. Эта работа пошла особенно интенсивно после выхода в свет монографий и статей Д. К. Шелестова, И. Л. Шермана, С. Ф. Найды, В. П. Наумова, Н. Ф. Кузьмина, посвященных историографии гражданской войны в целом. В них были четко определены и обоснованы основные этапы в изучении истории гражданской войны. Исследованию подвергся весь комплекс вопросов, составляющих предмет историографии, включая развитие источниковой базы, формирование научных кадров, критику буржуазных фальсификаторов истории и утверждение марксистско-ленинской идеологии, организацию издательской работы и т. д. Большое внимание было уделено ленинскому теоретическому наследию. Исследователи убедительно показали, что В. И. Ленин является основоположником

советской исторической науки, что он впервые дал глубокий научный анализ причин, характера и движущих сил гражданской войны, подчеркнул тесную зависимость хода военных действий от конкретной расстановки международных и внутренних классовых сил, от соотношения экономического и морально-политического потенциала воюющих сторон.

Авторы общих историографических работ, анализируя обширную литературу, вышедшую за годы Советской власти, в той или иной мере касались сочинений о событиях гражданской войны на Востоке. Над историографией гражданской войны работали и некоторые уральские историки, в частности П. И. Рощевский, З. А. Аминев, И. Ф. Плотников, В. С. Скробов, опубликовавшие несколько обзорных статей в научных журналах и сборниках или посвятившие этой теме вводные разделы в изданных ими монографических произведениях. Цикл историографических работ принадлежит автору этих строк.

Настоящее учебное пособие предназначено студентам архивоведческого отделения исторического факультета, в первую очередь заочникам, специализирующимся по историографии и источниковедению истории СССР и слушающим соответствующие лекционные курсы по истории края. В нем содержатся обобщенные материалы об истории изучения проблем гражданской войны на Урале с начала 20-х до середины 50-х гг., т. е. в течение первых двух этапов развития советской исторической науки.

Студенты, пожелавшие заниматься в плане специализации предлагаемой темой, могут воспользоваться пособием в дополнение к лекциям и рекомендованной литературе, чтобы составить конкретное и правильное представление об изучаемом предмете. Прежде всего необходимо понять теоретические аспекты темы. В пособии есть раздел, в котором в самой общей форме изложена суть ленинской концепции истории гражданской войны. Особенно важно обратить внимание на высказывания В. И. Ленина, касающиеся военных событий на Восточном фронте, их социально-экономической и политической подоплеки. Основной задачей учебного пособия является ознакомление студентов с историографическим наследием, накопленным в течение 20—первой половины 50-х гг. Речь идет не только о персоналиях, т. е. о личном вкладе исследователей в изучение темы, хотя и это очень важно. Имеется в виду общий процесс накопления исторических знаний. Содержащийся в пособии анализ литературы отражает конкретные стороны этого процесса: формирование научной концепции темы, преодоление объективистских ошибок в оценке событий, увеличение объема фактического материала, расширение проблематики, совершенствование методики исследования.

Помимо навыков критического разбора литературы, студенты должны получить представление о формах организации исторических исследований. В пособии затронута и эта проблема. Там рассказывается о том, как организовывалась собирательская и публи-

каторская работа в области истории гражданской войны, какое участие в ней принимали научно-исследовательские учреждения, государственные и партийные архивы, высшие учебные заведения, историко-революционные музеи, краеведческие общества, какова была здесь роль общественных организаций. Важное место в учебном пособии занимает проблема исследовательских кадров, их профессиональной и идейно-политической подготовки. Надо иметь в виду, что от решения этой проблемы в решающей мере зависел уровень научной продукции. Как отмечается в пособии, историки гражданской войны не сразу приобрели необходимый профессионализм. Им пришлось штудировать марксистско-ленинскую науку, овладевать методом коммунистической партийности, преодолевать влияние буржуазной и оппортунистической идеологии. Отрицательную роль в мировоззренческой подготовке кадров историков сыграл культ личности с его субъективистской догматической концепцией исторического процесса. Конечно, с точки зрения современной науки нас не все удовлетворяет в историографии 20—первой половины 50-х гг. Это касается в особенности социально-политических факторов гражданской войны на Урале, которые не получили достаточно полного объяснения.

И все же студенты, прочитав данное пособие, должны усвоить, что основы научной историографии были заложены именно тогда. Историки старшего поколения, опираясь на ленинское идейное наследие, сумели раскрыть главное содержание темы. Они правильно определили классовый характер войны, выяснили особенности ее основных этапов, показали роль внутренней и внешней контрреволюции, дали принципиальную оценку деятельности различных политических партий. В их трудах были глубоко проанализированы организационные, политические и идеологические принципы строительства Красной Армии, подчеркнута огромная роль морального единства советского фронта и тыла. И в этом большая заслуга наших предшественников перед исторической наукой.

Глава первая. СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА УРАЛЕ В 20 — НАЧАЛЕ 30-х ГГ.

Теоретическое наследие В. И. Ленина — основа научной историографии гражданской войны

Научная разработка проблем истории гражданской войны неразрывно связана с именем великого Ленина. Ленинское теоретическое наследие является методологической основой исторической науки и вместе с тем ее важнейшим источником. В. И. Ленин по праву считается родоначальником историографии первых лет Советской власти. В его трудах содержится огромный фактический материал, освещающий все стороны жизни Коммунистической партии и Советского государства в период борьбы за сохранение и укрепление завоеваний социалистической революции. Гениальный теоретик марксизма дал классический образец глубокого научного анализа сложнейших общественных явлений того времени. Он определил гражданскую войну как наиболее острую форму классовой борьбы, как вооруженное столкновение двух антагонистических классов — буржуазии и пролетариата. В этой войне против власти Советов выступили все силы империалистической реакции. Ленин считал, что вооруженное нападение внутренней контрреволюции и вторжение в нашу страну иностранных захватчиков предопределили справедливый, освободительный характер войны со стороны советского народа.

В трудах В. И. Ленина глубоко и всесторонне разработан вопрос о роли революционной армии. Рабоче-крестьянская Красная Армия, которая вступила в единоборство с захватчиками, строилась на основе ленинских организационных и политических принципов. Это была армия нового типа, отличавшаяся классовой однородностью, высоким моральным духом, тесной связью с народом. Уступая контрреволюционным силам в техническом оснащении и вооружении, она намного превосходила их по своим боевым качествам и потому в конечном счете неизменно одерживала победы. Как руководитель обороны Советского государства Владимир Ильич уделял исключительно важное внимание военному строительству. Он обосновал необходимость перехода от добровольческих отрядов трудящихся к массовой регулярной армии, которая соединяла бы в себе вооружение рабочих и крестьян на основе всеобщей мобилизации с командованием бывших офицеров. Он был инициатором проведения массовых мобилизаций коммунистов,

создания института военных комиссаров и мощного партийно-политического аппарата в армии. Он показал решающее значение авангарда социалистической революции — промышленного пролетариата — в деле организационного сплочения, политического просвещения красноармейской массы, состоявшей преимущественно из крестьян.

Важное место в ленинской концепции гражданской войны занимает вопрос о военно-политическом союзе рабочего класса с трудящимся крестьянством. В. И. Ленин расценивал этот союз как главную общественную силу, на которую опиралась Советская власть в борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией. Ход и исход войны зависели в первую очередь от поведения крестьянства. Вот почему В. И. Ленин в своих статьях и выступлениях так часто касался расстановки классовых сил в деревне на разных этапах развития революции. Он подчеркивал, что в тот момент, когда революция доводила до конца буржуазно-демократические преобразования и прежде всего решала вопрос о национализации земли, пролетариат опирался на поддержку всего крестьянства. Это дало возможность сравнительно легко сломить сопротивление буржуазии и помещиков и установить Советскую власть по всей стране. Летом 1918 г. в деревне развернулась социалистическая революция. Продолжая прочно опираться на бедноту, Советская власть повела решительную борьбу с кулачеством, которое попыталось голодом и вооруженными мятежами свергнуть диктатуру пролетариата. Кулаки превратились в главную социальную опору контрреволюции.

Средняк в это время заколебался, недовольный введением продовольственной монополии и запрещением свободной торговли хлебом. Колебания середняка, который составлял основную массу крестьянского населения, привели к невыгодному для Советской власти соотношению классовых сил и позволили империалистам развязать гражданскую войну. Вместе с тем, учил В. И. Ленин, пролетариат никогда не воевал со средним крестьянством, учитывая двойственность его натуры, рассматривая его прежде всего как труженика. В. И. Ленин был твердо убежден, что рано или поздно жизнь заставит крестьян сделать правильный выбор между диктатурой рабочего класса и диктатурой буржуазии. И он оказался совершенно прав.

Опыт гражданской войны достаточно убедительно доказал колеблющимся буржуазно-помещичью сущность белогвардейщины. В результате уже осенью 1918 г. обозначался поворот основных масс крестьянства на сторону Советской власти, что позволило перейти от нейтрализации середняка к прочному союзу с ним. Это имело исключительно важные последствия. Социальная база контрреволюции резко сократилась. Белогвардейские армии, составленные из насильно мобилизованных крестьян, быстро теряли свою боеспособность. Наоборот, Советская власть приобрела неиссякаемый источник резервов. Прочный союз с трудящимся кре-

стьянством создал благоприятные условия для завершения строительства массовой регулярной Красной Армии, для укрепления ее морально-политического единства и повышения боеспособности. С другой стороны, этот союз дал возможность Советскому государству успешно решить важнейшие военно-хозяйственные задачи, в первую очередь обеспечить армию и городское население хлебом на основе продовольственной разверстки.

Организация крепкого тыла — такова следующая первостепенная проблема, которую пришлось решать Коммунистической партии в годы гражданской войны. В работах В. И. Ленина она получила всестороннее освещение. В. И. Ленин учил, что для успешного ведения войны необходим крепкий, организованный тыл. Даже самая лучшая армия не в состоянии воевать, если она не будет в достаточной степени вооружена, снабжена продовольствием и обучена. Причем моральные и экономические возможности тыла находятся в прямой зависимости от характера общественного строя. В. И. Ленин неоднократно указывал на те объективные и субъективные факторы, которые обеспечили несравненно лучшую организацию советского тыла по сравнению с тылом контрреволюционных армий. Это прежде всего прочность Советской власти как государственной формы диктатуры пролетариата, выражающей жизненные интересы абсолютного большинства рабочего класса и трудящегося крестьянства. Это организационное, политическое и хозяйственное руководство тылом со стороны авангарда революции — пролетариата и его Коммунистической партии. Это огромные преимущества нашего экономического строя, основу которого составляет общественная собственность на орудия труда. Сосредоточив в своих руках командные высоты экономики в результате национализации промышленности, транспорта и банков, Советское государство получило возможность осуществлять централизованный контроль за производством и распределением продуктов в интересах обороны страны. Наконец, определенное значение для жизнеспособности тыла Красной Армии имела величина территории. Располагая большими пространствами, Советская власть могла маневрировать людскими резервами и экономическими ресурсами, систематически усиливать военно-промышленный потенциал, сравнительно быстро компенсировать потери. В. И. Ленин всегда подчеркивал, что главный источник непобедимости Красной Армии заключается в неразрывной связи фронта и тыла, в морально-политическом единстве трудящихся классов, готовых пойти на любые жертвы и любые лишения, чтобы отстоять завоевания социалистической революции.

Ленинское учение о характере гражданской войны, о позиции общественных классов на том или ином ее этапе, о роли в войне политических партий, о причинах победы Советской власти над белогвардейцами и интервентами имеет исключительно важное значение для понимания хода военных событий на Урале. Особенно большой научный интерес представляет оценка движущих сил

контрреволюции в восточных районах страны. Ленин глубоко вскрыл классовую подоплеку вооруженного выступления чехословацкого корпуса, которое имело тяжелые последствия для Советской власти. Он сразу увидел в этом событии происки международной империалистической реакции. Характеризуя белочехов как ударную силу англо-французского капитала, В. И. Ленин в то же время установил их тесную связь с внутренней контрреволюцией. Цель Антанты, по его словам, заключалась в том, чтобы превратить чехословацкую авантюру в широкое белогвардейско-помещичье движение. И не случайно выступление чехословаков повлекло за собой ряд контрреволюционных восстаний и кулацких мятежей. Белочехи, как образно выразился Владимир Ильич, разбудили кулаков, и те вступили летом и осенью 1918 г. в открытую вооруженную борьбу с Советской властью.

По мере дальнейшего развития гражданской войны союз внешней и внутренней буржуазии приобретал все более реакционный, агрессивный характер. На смену чехословакам пришел черносотенный диктатор Колчак, который принялся еще более грубо восстанавливать дореволюционные порядки. В. И. Ленин расценивал Колчака прежде всего как ставленника свергнутых эксплуататорских классов внутри страны. Установление колчаковской диктатуры способствовало консолидации белогвардейских сил. Вместе с тем В. И. Ленин еще и еще раз напоминал, что белогвардейцы не смогли бы воевать с Советской властью без военной, технической и финансовой помощи иностранных империалистов. Благодаря этой помощи Колчак сумел сколотить весной 1919 г. многочисленную армию, превратив ее в ударную силу контрреволюции.

Ход гражданской войны на востоке В. И. Ленин самым тесным образом связывал с поведением крестьянства. Своими собственными силами даже при поддержке могущественного иностранного капитала эксплуататорские классы были бы не в состоянии долго сопротивляться. Это достаточно убедительно доказал опыт первых месяцев социалистической революции, когда Советская власть прошла триумфальным шествием по всей России. И если в начальный период гражданской войны белогвардейцы добились серьезных военных успехов, то лишь потому, что изменилось соотношение классовых сил, обозначились колебания мелкобуржуазных масс. Правда, опыт чехословацкого мятежа уже дал определенные политические результаты. В. И. Ленин приводил пример губерний Поволжья и Приуралья, оказавшихся в зоне мятежа. Там крестьяне сначала встречали чехословаков как избавителей, но через несколько недель господства оккупантов, видя, что они несут власть помещиков и буржуазии, стали поворачивать на сторону Советской власти. Благодаря поддержке середняка Красная Армия осенью 1918 г. подавила мятеж в этих губерниях.

Иначе обстояло дело на Урале и в Сибири. Здесь пролетариату пришлось выдержать весьма длительную и напряженную борьбу за упрочение Советской власти. Дело в том, указывал В. И. Ленин,

что уральский и сибирский крестьянин не знал помещичьей эксплуатации и был относительно хорошо обеспечен. Следовательно, Октябрьская революция не смогла дать ему сразу тех результатов, которые она дала крестьянству Европейской России. Наиболее сытый крестьянин, владевший большими излишками хлеба и привыкший свободно торговать ими на вольном рынке, упорно поддерживал соглашательские партии и не доверял большевикам. В ходе революции и гражданской войны позиция крестьянства Урала, Сибири, Украины существенно менялась. Сначала за Советскую власть, когда она дала землю и вывела Россию из войны, потом, когда Советская власть стала добиваться передачи государству по твердым ценам излишков хлеба, которых здесь было больше всего, оно поворачивает к Колчаку и Деникину. Таким образом, уральский и сибирский середняк, превыше всего ставивший свободную торговлю, отказался признать диктатуру пролетариата, отказался воевать за Советскую власть. Он не извлек нужных уроков из чехословацкого мятежа, меньшевистско-эсеровских восстаний и помог Колчаку, который казался твердой властью и также выступал под лозунгом свободной торговли. Колчак, указывая В. И. Ленин, привлек на свою сторону массу добровольцев. Его армия на первых порах была едина в классовом отношении и потому сильна.

Владимир Ильич очень много внимания уделял урокам колчаковщины. Он, подчеркивая неразрывную связь между свободной торговлей, которая вела к восстановлению капитализма, и насилиями над трудящимися, говорил: свободная торговля хлебом есть экономическая программа колчаковцев, расстрел десятков тысяч рабочих есть необходимое средство для осуществления этой программы. Чтобы утвердить господство крупного капитала, Колчак неизбежно должен был встать на путь самых жестоких репрессий не только против рабочего класса, но и против мелкобуржуазных масс, главным представителем которых являлось крестьянство. Сибирские и уральские крестьяне получили суровый урок классовой борьбы. Они не из большевистских проповедей и учений, а на собственном опыте распознали истинный смысл колчаковщины, практически сравнили диктатуру буржуазии с диктатурой пролетариата и окончательно сделали свой выбор в пользу последней.

Важным уроком колчаковщины Ленин считал полный крах политики соглашательства с буржуазией, которую пытались продолжить меньшевики и эсеры во время гражданской войны. Соглашательские партии, указывал он, прямо содействовали победе белогвардейцев. Это они всячески пугали колеблющиеся массы диктатурой пролетариата, обвиняли большевиков в нарушении демократии, в насилии над крестьянством. Это они взбунтовали кулаков, спекулянтов, мелких собственников, когда Советская власть стала отбирать хлебные излишки, чтобы спасти рабочих от голодной смерти. Они заключили военный союз с Антантой, чехословаками и белогвардейцами, помогли им свергнуть большевиков в Повол-

жье, на Урале, в Сибири. Соглашатели внушали неискушенным в политике людям, что можно будто бы обойтись без господства одного класса над другим и построить независимое государство, что свободная торговля есть неотъемлемое право свободной демократии. Разогнав с помощью чехословаков Советы, меньшевики и эсеры попытались создать новую власть по этому образцу и торжественно провалились с нею прямо к диктатуре Колчака. На поверку они оказались жалкими болтунами, безвольными марионетками в руках буржуазии и реакционной военщины. Почувствовав свою силу, буржуазия бесцеремонно прогнала соглашателей и поставила у власти Колчака. По выражению В. И. Ленина, миллионы крестьян Сибири и Урала меньшевиков и социалистов-революционеров звали, сажали на власть, а из этого вышла старая русская монархия, старая держиморда, которая принесла народу неслыханное насилие. Чехословацкое восстание и колчаковщина полностью разоблачили соглашательские фразы об Учредительном собрании, о народовласти, о всеобщей свободе и всеобщем равенстве. Жизнь подтвердила абсолютную правоту большевиков, которые всегда говорили: может быть только две власти — либо диктатура рабочего класса, либо диктатура капиталистов и помещиков, третьего нет.

В. И. Ленин указывал, что крушение соглашательских иллюзий масс под влиянием жестоких уроков гражданской войны привело к коренному изменению в соотношении классовых сил и политических партий. Испытав на себе гнет колчаковщины, крестьяне Урала и Сибири становились сознательными сторонниками большевизма. Это в первую очередь отразилось на моральном состоянии белогвардейских армий. Пока Колчак опирался на добровольцев из среды зажиточных крестьян, он одерживал успехи. Но как только его армии стали пополняться за счет принудительных массовых мобилизаций, она потеряла свою классовую однородность, а следовательно, и силу. Принудительно мобилизованные крестьяне, которых озлобила политика Колчака, были плохими солдатами. Они не хотели сражаться за власть помещиков и капиталистов и лишь ослабляли колчаковские войска. Отход крестьянских масс от Колчака вызвал и полную дезорганизацию белогвардейского тыла, мощную волну народного движения сопротивления. Летом 1919 г. началось массовое восстание уральских рабочих и сибирских крестьян против колчаковского ига. Поголовное участие трудящегося населения в боевых действиях Красной Армии помогло разгромить Колчака и спасти социалистическую революцию. Победа над Колчаком явилась ярким свидетельством огромной жизнеспособности Советской власти, прочно опиравшейся на союз рабочего класса с крестьянством.

Таким образом, в ленинских произведениях впервые отразилась вся героическая эпоха гражданской войны. В. И. Ленин откликался на каждое важное событие в международной или внутренней жизни страны, подвергая его всестороннему и глубокому

теоретическому осмыслению. В его концепции развитие гражданской войны было поставлено в прямую и неразрывную связь с действием объективных законов развития общества. В. И. Ленин первый раскрыл причины и характер войны, дал ее научную периодизацию, показал зависимость военного положения страны от конкретного соотношения классовых сил и политических партий. Вот почему для становления советской историографии гражданской войны первостепенное значение имела публикация произведений В. И. Ленина.

Многочисленные доклады, речи, статьи, обращения, с которыми выступал вождь Коммунистической партии в 1918—1920 гг., печатались тогда во всех газетах, издавались в большом количестве отдельными брошюрами и были широко известны. Значит, уже в то время советские историки, публицисты, военные теоретики могли использовать ленинские работы как методологическое руководство и черпать из них богатейший фактический материал. После войны в соответствии с указаниями Центрального Комитета партии началась систематическая работа по собиранию, изучению и публикации идейного наследия В. И. Ленина. В 1926 г. Институтом Ленина было завершено первое издание сочинений Владимира Ильича в 20-ти томах. Подготовка второго и третьего изданий началась в 1924 г. по решению XIII съезда партии. В 1932 г. эти издания вышли в свет в 30-ти томах каждое.

Собирательская и публикаторская деятельность истпартов в области истории гражданской войны

На первом этапе развития советской исторической науки ведущая роль в разработке историко-революционной тематики принадлежала Истпарту и его местным отделениям. Комиссия по изучению истории Октябрьской революции и истории РКП(б) — Истпарт — была создана на основании решения СНК от 25 сентября 1920 г., подписанного В. И. Лениным. Ей поручались выявление, систематизация и научная обработка архивных документов, рукописей, воспоминаний и других материалов. Истпарт выпустил обращение «Ко всем членам партии», где указал на огромную важность документов, хранящих следы революции. В обращении говорилось о необходимости создания архивов для разработки истории революции на местах. Эту задачу призваны были осуществить местные отделы Истпарта, которые создавались в крупных промышленных и административных центрах. К обращению прилагался перечень тем, рекомендованных для разработки. Многие из них касались событий гражданской войны и иностранной военной интервенции. Благодаря поддержке со стороны Центрального Комитета партии, местных партийных организаций истпарты превратились в центры собирательской и научно-исследовательской работы в области истории первых лет Советской власти. Вокруг них группировались кадры наиболее образованных историков.

марксистов. Они были тесно связаны с широкой общественностью, с активными участниками Октябрьской революции и гражданской войны, с высшими учебными заведениями, архивными и культурно-просветительными учреждениями. Истпарты сыграли решающую роль в создании партийных архивов, историко-революционных музеев, в публикации воспоминаний и разнообразных источников. Кроме истпартов, изучением материалов по истории гражданской войны занимались и другие организации. Особенно плодотворной была деятельность военно-научного общества (ВНО), образованного в 1921 г. при Академии Генерального штаба Красной Армии.

Задача развертывания научных исследований по истории советского общества решалась в органической связи с проблемой кадров. Большая заслуга в подготовке профессиональных историков марксистско-ленинской школы принадлежала Институту красной профессуры и Коммунистической академии. Специализация по конкретным проблемам истории осуществлялась через разного рода семинары, комиссии и секции. Так, при Московском институте красной профессуры работал под руководством М. Н. Покровского специальный семинар, где изучалась история Октябрьской революции и гражданской войны. Исключительно важную роль в деле организационного сплочения и идейной закалки работников идеологического фронта сыграло основанное в 1925 г. при Коммунистической академии общество историков-марксистов во главе с М. Н. Покровским.

Одновременно партией и правительством решалась и другая важная задача — создание источниковедческой базы для исследовательской работы советских историков. В начале 20-х гг. в соответствии с Декретом СНК о национализации и централизации архивного дела в стране начал комплектоваться Центральный архив Октябрьской революции. Сюда поступали документальные материалы от руководящих советских органов, местных Советов и различных государственных учреждений, от профессиональных и кооперативных организаций, а также от участников Октябрьской революции и гражданской войны. Архивы Октябрьской революции были созданы в ряде союзных республик, в краевых (областных) и губернских центрах Российской Федерации. Фонды военных учреждений и организаций концентрировались сначала в Военно-Ученом архиве, который был основан при Военно-Исторической комиссии Всероссийского главного штаба. Затем из них стал комплектоваться самостоятельный Центральный архив Красной Армии, который превратился в богатейшее хранилище документальных материалов по истории гражданской войны¹.

Особенно важное значение придавалось собиранию, систематизации и научной обработке партийных документов и материалов. Этим делом занимался центральный Истпарт. В его распоряжение

¹ См.: *Шерман И. Л.* Советская историография гражданской войны в СССР. Харьков, 1964, с. 10—11.

поступали документы В. И. Ленина, личные архивы ряда ближайших его соратников, материалы руководящих партийных органов, воспоминания старых большевиков, периодические партийные издания, историко-революционные листовки, брошюры, книги.

В 1924 г. начал функционировать архив Истпарта. После слияния Истпарта с Институтом Ленина на базе собранных им источников комплектуется Центральный партийный архив².

Несмотря на большие трудности, связанные с ограниченностью круга источников, недостатком подготовленных кадров, острой борьбой против влияния буржуазной идеологии, первый этап ознаменовался значительными достижениями в развитии советской исторической науки, в частности историографии гражданской войны. По подсчетам И. Л. Шермана, в течение 20-х гг. в свет вышло около 1200 книг, статей, воспоминаний и документальных подборок в журналах, где освещались события военных лет. Кроме того, военно-политические органы и истпарты издали до 60 специальных сборников, посвященных истории отдельных частей и соединений Красной Армии. Наконец, в нашей стране было переиздано свыше 50 очерков и воспоминаний белогвардейцев³. На первых порах среди публикаций преобладали мемуарная литература, а также различные юбилейные сборники, которые выпускались преимущественно истпартами и состояли из воспоминаний, отдельных документов, статей и биографических очерков. Несколько таких сборников, опубликованных центральными издательствами, отразили события гражданской войны на Урале и в Сибири⁴.

Во второй половине 20-х гг. по мере накопления источников стали создаваться исследовательские произведения. Исключительно важное значение для разработки научной концепции и проблематики истории гражданской войны имели труды выдающихся советских теоретиков А. С. Бубнова, С. И. Гусева, М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевского, С. С. Каменева⁵. В этих трудах проанализирован опыт строительства Вооруженных Сил Республики, накопленный Коммунистической партией в период борьбы с белогвардейцами и интервентами. Истории создания и боевой деятельности Красной Армии в годы гражданской войны посвятили свои работы

² См.: *Комаров Н. С.* Создание и деятельность Истпарта. — Вопросы истории КПСС, 1958, № 5, с. 163—164.

³ *Шерман И. Л.* Советская историография гражданской войны в СССР, с. 15—16.

⁴ Пятьдесят первая Перекопская дивизия. История боевой и мирной жизни за 5 лет (1919—1924). М., 1925; Борьба за Урал и Сибирь. М.—Л., 1926; Колчаковщина. Из белых мемуаров. Л., 1930.

⁵ *Бубнов А. С.* Гражданская война, партия и военное дело. Сб. статей. М., 1928; *Гусев С. И.* Гражданская война и Красная Армия. Сб. военно-теоретических и военно-политических статей (1918—1924 гг.). М., 1925; *Фрунзе М. В.* Ленин и Красная Армия. Статьи и речи. М., 1925; *Тухачевский М. Н.* Война классов. М., 1921; *Каменев С. С.* Очередные военные задачи. М., 1921.

военные историки А. Городнев, Б. Таль, А. Король⁶. Интересное исследование о партийно-политической работе в советских войсках написал бывший политработник Реввоенсовета Восточного фронта И. Петухов⁷. Наконец, борьба Красной Армии с белочехами и Колчаком получила освещение в брошюрах Г. Гая и Н. Какурина⁸.

Крупным вкладом в развитие советской историографии явились произведения известных военных историков А. Анишева и Н. Какурина⁹. Исследователи в целом правильно восприняли важнейший тезис ленинской концепции о классовом характере гражданской войны, о ее движущих силах. Главное внимание они обратили на взаимоотношения антагонистических классов пролетариата и буржуазии с многомиллионной массой крестьянства, подчеркнув огромное значение прочного союза с середняком для победы социалистической революции.

Историки 20-х гг. понимали, что интересы различных классов, участвовавших в гражданской войне, определяли собой и поведение соответствующих партий, их политическую программу. Выясняя социальные причины войны, советская историография в полной мере показала роль буржуазно-помещичьих политических партий в организации вооруженного сопротивления контрреволюции. Вместе с тем была разоблачена антинародная политика меньшевиков и эсеров. Специально эта тема исследовалась в работах И. Майского и В. Владимировой¹⁰. Особенно интересна книга В. Владимировой «Год службы «социалистов» капиталистам», в которой на большом фактическом материале излагается история политического банкротства партии эсеров, докатившейся до активного сотрудничества с белогвардейцами и интервентами.

Весьма интенсивному изучению подверглась история иностранной военной интервенции. В работах Н. Какурина и А. Анишева, в специальных исследованиях М. Павловича, И. Майского, М. Левидова, И. Субботовского, Л. Иванова¹¹ были в общем правильно

⁶ *Городнев А.* Очерки Красной Армии. М., 1924; *Таль Б.* История Красной Армии. Краткий общедоступный очерк. М.—Л., 1924; *Король А.* История Красной Армии и гражданской войны. Пособие для политзанятий с красноармейцами. Киев, 1925.

⁷ *Петухов И.* Партийная организация и партийная работа в РККА. М.—Л., 1928.

⁸ *Гай Г.* Первый удар по Колчаку. Военно-исторический очерк. М., 1926; *Какурин Н.* Восстание чехословаков и борьба с Колчаком. М.—Л., 1928.

⁹ *Анишев А.* Очерки истории гражданской войны. 1917—1920. Л., 1925; *Какурин Н.* Как сражалась революция. М.—Л., 1925, т. 1; 1926, т. 2.

¹⁰ *Майский И.* Демократическая контрреволюция. М.—Пг., 1923; *Владимова В.* Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918 году. М.—Л., 1927.

¹¹ *Павлович М. (Вельтман М. В.).* РСФСР в империалистическом окружении. М., 1922, вып. 1. Советская Россия и капиталистическая Франция; вып. 2. Советская Россия и капиталистическая Англия; вып. 3. Советская Россия и капиталистическая Америка; *Майский И.* Внешняя политика РСФСР. 1917—1922. М., 1923; *Левидов М.* К истории союзной интервенции. Л., 1925; *Субботовский И.* Союзники, русские реакционеры и интервенция. Л., 1926; *Иванов Л.* СССР и империалистическое окружение. М., 1928.

указаны экономические и политические причины, толкавшие иностранных империалистов на военный союз с внутренней контрреволюцией. Почти все отметили особую агрессивность Англии и Франции в отношении Советской России, полагая, что социалистическая революция в наибольшей степени затронула империалистические интересы именно этих держав. Что касается Соединенных Штатов Америки, то их истинная роль в гражданской войне и интервенции не получила в то время объективного освещения. Только Н. Какурин в небольшой статье о роли держав Антанты в создании военно-экономического базиса белых правительств, написанной с использованием архивных материалов, попытался показать участие Соединенных Штатов в материальном снабжении российской контрреволюции, хотя и отрицал их вооруженное вмешательство в гражданскую войну¹².

Центральной темой первых крупных исследований по истории гражданской войны явилась руководящая роль Коммунистической партии в борьбе советского народа против объединенных сил контрреволюции. В первую очередь исследователи подчеркивали историческую заслугу партии в деле строительства массовой регулярной Красной Армии, без чего вообще невозможно было одержать победу в войне. Особо важным они считали правильное политическое руководство войсками. В упомянутых выше произведениях военных историков и теоретиков показана конкретная организационная и воспитательная работа среди красноармейцев, которую систематически проводила партия в лице военных и политических комиссаров, десятков и сотен тысяч мобилизованных на фронт коммунистов.

Подчеркнув руководящую роль коммунистов в армии, исследователи в принципе правильно оценили и значение колоссальной по масштабам деятельности партии в тылу, выразившейся в создании военно-политического союза рабочего класса с трудящимися крестьянством, перестройке на военный лад всего государственного аппарата, налаживании оборонного производства, мобилизации для нужд фронта промышленных и продовольственных ресурсов страны.

Представляется исключительно важным стремление отдельных исследователей выделить выдающуюся роль вождя Коммунистической партии В. И. Ленина в создании Красной Армии, в организации обороны Советского государства.

Таким образом, в наиболее значительных исследовательских работах, опубликованных центральными издательствами в 20-х гг., вполне определенно обозначился круг тех общих принципиальных вопросов, которые составляют существо ленинской концепции истории гражданской войны. Творчество ведущих военных историков

¹² См.: *Какурин Н.* Роль держав Антанты в военной экономике белых правительств во время гражданской войны в России. — В сб.: *Кто должник?* М., 1926.

и теоретиков, питавшееся идейным наследием В. И. Ленина, оказало большое влияние на формирование советской историографии.

Собирательская, научно-исследовательская и публикаторская работа на местах в области истории гражданской войны велась, как уже было сказано, местными отделениями Истпарта. Уралбюро Истпарта было организовано в Екатеринбургѣ в 1921 г. В 1925—1926 гг., помимо Уралистпарта, начали действовать истпарты при окружках ВКП(б) в Перми, Кунгуре, Сарапуле, Нижнем Тагиле, Тюмени, Челябинске, Златоусте, Троицке¹³. Для участия в разработке местной историко-партийной тематики обком партии привлѣк наиболее подготовленных товарищей, имевших большой опыт партийно-политической работы. В годы гражданской войны многие из них были корреспондентами фронтовых газет, работали в политотделах армий и дивизий.

На первых порах истпарты уделяли основное внимание сбору и популяризации различных материалов, отображающих историю революционного прошлого местного края. Это были преимущественно воспоминания. Истпарты поддерживали систематическую связь с ветеранами революции и гражданской войны, устраивали вечера воспоминаний в связи с годовщинами важнейших событий, производили стенографическую запись выступлений. Так, Уфимский истпарт к 1927 г. взял на учет и проверил деятельность примерно 10 тыс. участников революционного движения на Урале¹⁴. Наряду с воспоминаниями, собирались документы партийных, советских, профсоюзных и военных организаций, а также газетные материалы, фотографии, печатные издания. К 1929 г. Уралистпарт в основном завершил систематизацию архивных материалов за период Октябрьской революции и гражданской войны. Этой работой руководила специальная историческая комиссия, действовавшая под председательством профессора А. Танеева. В округах собирательскую работу вели уполномоченные истпартов. Наконец, в государственных архивах области выявлением и отбором историко-революционных документов и материалов занимались политсекции, которые работали под руководством истпартов. В 1929 г. в соответствии с указанием ЦК ВКП(б) при Уралистпарте начал создаваться единый областной партийный архив. Здесь концентрировались партийные документы всех округов. За два года облпарт-архиву были переданы дела 76 районов области, более 400 комплектов газет, значительное количество литературы¹⁵.

Одним из самых важных условий плодотворной деятельности истпартов являлась их связь с общественными организациями. В этом отношении показателен пример Пермского истпарта. Через своих уполномоченных истпарт был связан с заводами и крупными

¹³ Партийный архив Свердловской области (далее ПАСО), ф. 129, оп. 1, д. 2, л. 142.

¹⁴ Пролетарская революция, 1927, № 11, с. 269—270.

¹⁵ ПАСО, ф. 129, оп. 1, д. 2, л. 76.

районами, где имелись особые корреспондентские пункты и комиссии содействия. При самом истпарте в 1927 г. возникли общественные группы содействия для изучения собираемых материалов и разработки важнейших тем из истории Пермской партийной организации. К работе были привлечены старые большевики, молодежь, преподаватели, ученые, армейские политработники. В начале 1928 г. истпарт организовал в местном краеведческом обществе историко-революционную секцию. Туда вошли главным образом преподаватели общественных и исторических дисциплин Пермского университета, совпартшколы, а также наиболее способные студенты-дипломники. Членам секции поручалось написать ряд популярных книг о революционном движении в местном крае. Весьма продуктивным было сотрудничество с Пермским государственным университетом. Научные работники истпарта совместно с преподавателями педагогического факультета руководили подготовкой дипломных работ по историко-революционной тематике, выступали в студенческой аудитории с лекциями и беседами, привлекали студентов к обработке архивных материалов. Декан педфакультета являлся членом истпартотдела. Поддерживалась также связь с историческим семинарием, действовавшим на этом факультете¹⁶.

Общественность активно участвовала и в работе Уралистпарта. Во второй половине 20-х гг. в Свердловске была создана сеть кружков содействия из старых большевиков и рабочих — участников революционного движения, литературных и научных работников, молодежи. Один из таких кружков объединял преподавателей-историков Урало-Сибирского коммунистического университета (впоследствии Уральский коммунистический университет — комвуз). Он работал над материалами по истории гражданской войны и готовил к 10-летию освобождения Урала от Колчака книгу «Колчаковщина на Урале». Другой кружок, который возглавляла Р. С. Землячка, собирал и готовил к печати материалы об участии трудящихся женщин в революции, гражданской войне и социалистическом строительстве на Урале. При Свердловском окружном комитете ВКП(б) образовалось пять групп содействия, работавших над различными историко-партийными темами, в том числе над историей большевистского подполья при Колчаке. Уралистпарт организовал, кроме того, две целевых комиссии, которым было поручено подобрать материалы по истории Красной гвардии, а также взять на учет памятники и исторические места, связанные с событиями гражданской войны. Группы содействия истпарту возникли на многих предприятиях и в учреждениях города. Истпарт тесно сотрудничал с уральским отделением общества историков-марксистов, обществом политкаторжан, обществом старых большевиков и революционеров. Под его руководством работали комиссии по истории профсоюзов и комсомола — истпроф и истмол¹⁷.

¹⁶ ПАСО, ф. 129, оп. 1, д. 2, л. 9, 10, 15.

¹⁷ ПАСО, ф. 129, оп. 1, д. 2, л. 44, 46.

Публикаторская деятельность Уралиспарта в области истории гражданской войны выразилась в первый период в издании главным образом воспоминаний и популярных брошюр. Уже в 1921 г. вышел сборник, в котором были помещены воспоминания участников борьбы с контрреволюцией П. М. Быкова, Р. И. Берзина, Е. Шепелева, А. Брагинского, а также некоторые документы, касающиеся истории колчаковщины¹⁸. Затем появились отдельными изданиями воспоминания В. Быкова, М. Голубых, И. Онуфриева, А. Герасимова¹⁹. Самой крупной работой Уралиспарта явился сборник статей, воспоминаний и документов под названием «Колчаковщина», вышедший в 1924 г.²⁰ В 1927—1930 гг. в связи с широко отмечавшимся 10-летием Октябрьской революции, а затем и гражданской войны Уралиспарт опубликовал популярные брошюры А. Ослоновского и А. Орлова, П. М. Быкова, А. Баранова, А. Тянева²¹. В 1929 г. в свет вышел сборник документов и материалов о колчаковщине. Он явился заключительной частью обширной документальной публикации «Рабочий класс Урала в годы войны и революции», которая издавалась Уралпрофсоветом под редакцией А. Тянева²².

Кроме Свердловска различная литература по истории гражданской войны издавалась и в других городах области, в частности в Перми, Нижнем Тагиле, Ижевске, Златоусте, Шадринске, Уфе, Ишиме²³.

Разнообразная литература по истории гражданской войны, изданная в центре и на местах в течение 20—начала 30-х гг., была, разумеется, неодинаковой по своему качеству. Работы ведущих историков отличались сравнительно солидной источниковедческой

¹⁸ Рабочая революция на Урале. Эпизоды и факты. 1917—1921 гг. Екатеринбург, 1921.

¹⁹ Быков В. Подполье. Екатеринбург, 1923; Голубых М. Уральские партизаны. Екатеринбург, 1924; Онуфриев И. Мои воспоминания из гражданской войны на Урале. Екатеринбург, 1922; Он же. Гражданская война на Урале. Воспоминания бывшего комбрига. Свердловск, 1925; Герасимов А. Год в колчаковском застенке. Екатеринбург, 1923.

²⁰ Колчаковщина. Сб. Екатеринбург, 1924.

²¹ Ослоновский А., Орлов А. Десять лет борьбы и строительства. Советов на Урале. Свердловск, 1927; Быков П. М. Красная Армия в борьбе за Урал. Свердловск, 1928; Баранов А. Октябрь и начало гражданской войны на Урале. Свердловск, 1928; Он же. Гражданская война на Урале. Свердловск, 1928; Тянев А. Колчаковщина на Урале. Свердловск—М., 1930.

²² Колчаковщина на Урале. 1918—1919 гг. В документах и материалах. Свердловск, 1929.

²³ Под знаменем Октября. Пермь, 1927; Сборник материалов революционного движения в Тагильском округе. Нижний Тагил, 1925; Ижевск в огне гражданской войны. Из истории революционного движения ижевских рабочих в 1917—1918 гг. Ижевск, 1927; Октябрь на Южном Урале. Сб. Златоустовского испарта. Златоуст, 1927; Кашеваров М. С. Красная страничка из истории 4-го Уральского полка. Шадринск, 1928; Пройденный путь. Из истории борьбы за диктатуру пролетариата в Приуралье. Уфа, 1927; Корушин Т. Д. Дни революции и советского строительства в Ишимском округе (1917—1926 гг.). Ишим, 1926; Десять лет Советской власти в Ишимском округе (1917—1927 гг.). Ишим, 1927.

основой, научной аргументированностью, правильным оформлением подстрочного аппарата. Что касается большинства других работ, изданных преимущественно на периферии, то они за отдельными исключениями были слабее в научном отношении и опирались на весьма ограниченный запас источников. В целом местная литература носила больше популярный, нежели исследовательский характер. И теоретический уровень ее во многих случаях не был достаточно высок. Все же и она внесла положительный вклад в развитие советской историографии, в изучение проблематики истории гражданской войны на Урале.

Исследование военно-политических и социальных проблем истории гражданской войны

Как известно, история гражданской войны и иностранной военной интервенции в восточных районах страны связана с мятежом чехословацкого корпуса, а затем с установлением колчаковской диктатуры. Изучая эти события, советские исследователи в первую очередь обратили внимание на провокационную роль иностранных империалистов в организации контрреволюционных сил. В работах Н. Какурина, А. Таняева, А. Баранова, А. Ослоновского и А. Орлова приведены документальные факты, свидетельствующие о том, что правительства стран Антанты являлись непосредственными инициаторами чехословацкого мятежа, с которого началась гражданская война на Урале, в Сибири и Поволжье. С помощью подкупа, шантажа, грязных инсинуаций они вместе с русскими белогвардейцами и чешскими буржуазными националистами сорвали эвакуацию корпуса, заставили рядовых солдат воевать против Советской власти. Правда, не все историки достаточно ясно представляли себе внешние силы, участвовавшие в организации мятежа. Некоторые из них, в частности Н. Какурин, не сумели дать правильной оценки реакционной деятельности руководителей чешского Национального совета. Однако большинство справедливо квалифицировало антисоветское выступление чехословаков как акт преднамеренной, тщательно подготовленной агрессии со стороны империалистов.

Взаимоотношения иностранных империалистов с Колчаком были изучены в меньшей мере, хотя в распоряжении исследователей и находились белогвардейские мемуары и разная переписка. Особый интерес в этом отношении представляет статья Н. Какурина «Роль держав Антанты в военной экономике белых правительств во время гражданской войны в России». Там говорится о том, что «длительность борьбы белых армий и их упорство обусловливались той помощью, которую оказали им державы Антанты в создании их военно-экономического базиса»²⁴. В статье приводятся соответствующие цифры. Особую активность в деле мате-

²⁴ Какурин Н. Роль держав Антанты в военной экономике..., с. 524.

риально-технического обеспечения Колчака проявляли Франция и США, но последние, по мнению Какурина, в отличие от своего партнера руководствовались при этом чисто коммерческими мотивами.

Отдельные исследователи были склонны преувеличивать значение противоречий в лагере интервентов в связи с отношением к Советской России. В предисловии к воспоминаниям английского полковника Уорда, которое было помещено в сборнике «Колчаковщина» (издан в Екатеринбурге в 1924 г.), утверждается, например, что союзники якобы не имели общей цели, участвуя в интервенции. Подобная точка зрения высказывалась и во вступительной статье к другому сборнику под тем же названием, изданному в Ленинграде.

Наиболее основательному изучению в литературе подверглась деятельность внутренних контрреволюционных сил, противостоящих силам революции. Общее мнение, аналогичное ленинской трактовке, было таково, что восстание чехословаков послужило сигналом для повсеместного вооруженного выступления антисоветских сил, в первую голову деревенского кулачества. При этом активизация кулачества правильно связывалась с обострением классовой борьбы, которое явилось следствием развернувшейся в деревне социалистической революции. Историки установили, что успехи контрреволюции на Урале и в Сибири были обусловлены и серьезными колебаниями середняка. Глубокий теоретический анализ особенностей расстановки классовых сил в уральской деревне дал А. Таняев в своей брошюре «Колчаковщина на Урале». Он писал: «... Не зная помещика, уральский крестьянин и не мог сразу ощутить и глубоко прочувствовать всю свою заинтересованность в рабочей революции, как это было в Европейской России, где крестьяне получили от Советской власти так долгожданную ими помещичью землю и вместе с этим — освобождение от помещичьей кабалы и эксплуатации»²⁵. Отсюда недовольство Советской властью, когда она запретила частную торговлю, начала отбирать продовольственные излишки и производить мобилизацию крестьян в Красную Армию для защиты социалистической революции. Аналогичной концепции придерживались Н. Какурин, А. Анишев, А. Баранов и др. По мнению исследователей, контрреволюция на Урале находила себе опору также среди казачества, которое было еще более зажиточным, чем крестьянство, и буржуазно-националистических слоев нерусского населения.

Надо заметить, что соотношение сил революции и контрреволюции в деревне изучалось указанными авторами преимущественно в общем плане, без привлечения соответствующих источников. Вместе с тем в некоторых работах, изданных истпартами, была сделана попытка рассмотреть эту проблему на конкретном фактическом материале. Так, в юбилейном сборнике Златоустовского

²⁵ Таняев А. Колчаковщина на Урале, с. 6.

истпарта «Октябрь на Южном Урале» проанализированы данные земской статистики, касающиеся землевладения и землепользования. Они создают наглядное представление о степени имущественной дифференциации крестьянства, об удельном весе его основных социальных групп. Подчеркивая сильное влияние кулачества, составители сборника в то же время выделяли революционные элементы деревни, которые являлись верными союзниками рабочего класса.

Однако, как отмечалось в литературе, участие беднейшего крестьянства Урала в борьбе с контрреволюцией было сначала недостаточно активным в силу некоторых субъективных причин. А. Танеев, например, подчеркивал слабую организованность пролетарских и полупролетарских слоев деревни, отсутствие здесь систематической работы большевистской партии. На первых порах социалистической революции все внимание партийных организаций Урала было уделено вопросам упрочения Советской власти и хозяйственного строительства в промышленных центрах. Задача организации революционных сил деревни отодвигалась на второй план. К ее решению большевики приступили лишь в июле—августе 1918 г., когда гражданская война была уже в полном разгаре. В условиях войны социалистическая революция в уральской деревне успела как следует развернуться. В оккупированных белогвардейцами и интервентами районах кулачество сохранило свое экономическое господство, сохранило и политическое влияние на середняка.

Серьезным препятствием на пути социалистической революции на Урале являлись мелкобуржуазные партии меньшевиков и особенно правых эсеров. Значительное влияние эсеров отмечали В. Владимирова, А. Танеев, А. Баранов и другие исследователи. В частности, А. Баранов ссылаясь на результат выборов в Учредительное собрание на Урале, которые, как известно, дали крупный перевес соглашателям. Самое опасное заключалось в том, что за соглашателями в первый период войны шли не только весьма многочисленные мелкобуржуазные слои населения, зажиточное крестьянство и казачество, городская мелкая буржуазия, но и отсталая часть рабочего класса. Последнее обстоятельство привлекло внимание историков, в частности А. Танеева. Как известно, в начале войны меньшевикам и эсерам удалось спровоцировать контрреволюционные выступления во многих городах и заводских поселках Урала. Эти события исследователь попытался объяснить социальной природой уральских рабочих. По его мнению, уральский рабочий — это полурабочий, полукрестьянин, являвшийся не только продавцом рабочей силы, но и мелким земельным собственником. Такая двойственность наложила отпечаток на его психологию и политическое настроение, определила его тяготение к соглашательским партиям. Обострение хозяйственных трудностей, нехватка продовольствия, закрытие заводов вызвали среди части рабочих рецидив мелкобуржуазных настроений и привели к коле-

баниям этой части в сторону кулацкой Вандей²⁶. Автор правильно объяснил поведение отсталых слоев рабочих в момент начавшейся гражданской войны. Однако общая оценка социальной природы уральского рабочего явно ошибочна, тем более что она не подтверждается конкретными социологическими материалами. Полностью сбросив со счета пролетарское ядро рабочих, которые вынесли на себе главную тяжесть борьбы с контрреволюцией, поставив их на одну доску с мелкими собственниками, А. Таняев допустил серьезное отступление от марксистско-ленинской методологии, от исторической правды и попал под влияние буржуазных идеологов. Надо сказать, что эта объективистская теория разделялась тогда многими историками. Но у нее были и противники. Так, автор статьи «Экономика Южного Урала», помещенной в сборнике «Октябрь на Южном Урале», решительно возражал тем, кто рассматривал уральского рабочего как полурбочего, полукрестьянина. Проанализировав соответствующие материалы земской статистики по Уфимской и Пермской губерниям, он доказал, что земельные наделы подавляющего большинства рабочих были очень незначительными и поэтому не могли использоваться для производства продуктов на продажу, а являлись лишь дополнительным средством удовлетворения личных потребностей рабочего и его семьи. Основным же источником существования являлась заработная плата.)

Выяснив социальные и политические предпосылки гражданской войны на Урале, исследователи попытались показать, как менялось соотношение классовых сил под влиянием уроков белогвардейщины. Известно, что в смысле ослабления классовой базы контрреволюции и, наоборот, укрепления Советской власти важные последствия имел прежде всего опыт, приобретенный трудящимися в период господства белочехов и меньшевистско-эсеровских правительств. Подробнее других об этом писал А. Таняев в указанной брошюре, а также во вступительной статье к сборнику документов «Колчаковщина на Урале». Он подверг критическому анализу деятельность областного правительства Урала, которое было создано в Екатеринбурге меньшевиками и эсерами совместно с кадетами после свержения Советской власти. Использованные автором белогвардейские документы достаточно ясно отражают буржуазную сущность этого правительства. Его политика была направлена на ликвидацию завоеваний социалистической революции, восстановление частной собственности, свободной торговли и всей системы капиталистической эксплуатации рабочего класса.

Таняев правильно понял классовый смысл политики белогвардейских оккупантов, но не сумел раскрыть все ее аспекты. Он ограничился исключительно рабочим вопросом, причем сделал упор на ухудшение материально-бытового положения рабочего класса.

²⁶ См.: Таняев А. Колчаковщина на Урале, с. 10.

Совсем не коснулся он политики белогвардейцев в аграрном вопросе, положения трудящихся масс крестьянства.

Решающее влияние на соотношение классовых сил оказал кровавый опыт колчаковщины. Этому вопросу в литературе уделено большое внимание. Исследователи правильно подметили, что с установлением колчаковской диктатуры начался новый этап гражданской войны, который характеризовался, с одной стороны, усилением иностранной военной интервенции, а с другой — консолидацией внутренней контрреволюции. По мнению А. Анишева, Н. Какурина и других, процесс объединения антисоветских сил являлся главным содержанием истории российской контрреволюции в период конца 1918 и начала 1919 г. Он был обусловлен стремлением империалистов создать более или менее крупные вооруженные силы под единым руководством для борьбы с Красной Армией. Им нужна была твердая власть, чтобы задушить революцию и полностью восстановить эксплуататорский строй. Прежние белогвардейские правительства, возглавляемые меньшевиками и эсерами, для этого дела не годились. Они достаточно разоблачили себя в глазах народа как ярые защитники классовых интересов эксплуататоров. Лишившись поддержки масс, их армии потеряли свою боеспособность и не выдержали единоборства с Красной Армией. Соглашатели сыграли свою позорную роль, расчистив путь для установления контрреволюционной диктатуры. После этого, как выразился Н. Какурин, они были выброшены из рамок законного существования словно мавр, сделавший свое дело, а буржуазия с помощью Антанты выдвинула из своих рядов военного диктатора, который и присвоил себе всю полноту власти.

Политика Колчака нашла сравнительно полное отражение в опубликованных источниках. Большой интерес в этом отношении представляют выпущенные Уралистпартом сборники «Рабочая революция на Урале», «Колчаковщина», «Колчаковщина на Урале», а также публикации центральных издательств — «Борьба за Урал и Сибирь», «Колчаковщина» и др. В них содержатся разнообразные документальные материалы, переписка, воспоминания, раскрывающие реакционный характер колчаковской диктатуры. Часть этих материалов в дополнение к архивным источникам была использована в литературе. А. Таняев весьма основательно проанализировал экономическую политику колчаковщины. Он показал, что полное восстановление власти крупного капитала привело к катастрофическому падению жизненного уровня трудящихся масс и обострению хозяйственной разрухи. Объявленная Колчаком свобода торговли и частного предпринимательства вызвала небывалый разгул спекуляции. В результате цены на основные продукты питания возросли к марту 1919 г. в два раза по сравнению с августом 1918 г. Соответственно снизилась и реальная заработная плата рабочих. За время хозяйничанья на Урале русских и иностранных капиталистов, усиленно грабивших природные богатства края, промышленность и транспорт пришли в полный упадок:

многие предприятия из-за недостатка топлива, сырья и материалов были закрыты, резко сократились выплавка чугуна, производство промышленных товаров²⁷.

Поскольку Танеев — автор специального исследования по истории колчаковщины на Урале — и на этот раз ограничился областью экономики, вопрос о социально-правовом положении трудящихся, о методах осуществления экономической программы крупной буржуазии и помещиков остался, в сущности, открытым в литературе. Только А. Ослоновский и А. Орлов попытались рассмотреть данный вопрос на конкретном фактическом материале. Они выбрали ряд характерных документов, правдиво рисующих картину безудержного террора и насилий белогвардейских оккупантов по отношению к рабочему классу и трудящемуся крестьянству Урала. Как свидетельствуют авторы, в одном только Верхотурском уезде колчаковцы истребили более 8 тыс. рабочих и крестьян. А всего в Уральской области погибло во время оккупации приблизительно около 100 тыс. человек²⁸. Это весьма показательные факты, но они еще не говорят всей страшной правды о Колчаке. В работах других исследователей фактический материал, касающийся политики колчаковщины, почти совсем отсутствует.

Очень слабо освещены в литературе взаимоотношения Колчака с крестьянством. Между тем этот вопрос имеет исключительно важное значение для понимания причин установления колчаковской диктатуры и ее последующего падения. Как было показано, исследователи верно определили расстановку классовых сил в начальный период гражданской войны, когда колебания середняка позволяли контрреволюции одержать крупные военные успехи. Правильно и то, что господство учредильцев и прочих меньшевистско-эсеровских правительств, поддержанных белогвардейцами и интервентами, существенно изменило политическую обстановку в деревне. В результате осенью 1918 г. обозначился поворот основной массы трудового крестьянства на сторону сознательного пролетариата. Однако исследователи не учли специфики уральской деревни, где капиталистические элементы были весьма сильными и мелкий собственник особенно крепко держался за пресловутую свободу торговли. Разуверившись в соглашателях, он все же не потерял надежды на обогащение и обратил свои взоры к Колчаку, который казался твердой властью и который, как подчеркивал Ленин, тоже выступал под флагом свободной торговли. Эта важная сторона ленинской концепции в литературе не отмечена совсем.

Видное место в литературе 20-х гг. по истории гражданской войны занимают проблемы вооруженной борьбы трудящихся Урала с белогвардейцами и интервентами, создания Восточного фронта, строительства массовой регулярной Красной Армии. Следует

²⁷ См.: Танеев А. Колчаковщина на Урале, с. 50—52, 64—66.

²⁸ Ослоновский А., Орлов А. Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале, с. 67.

заметить, что эти проблемы сравнительно хорошо прослеживаются в опубликованных источниках, особенно в воспоминаниях. Можно назвать, например, интересное воспоминание Р. И. Берзина, помещенное в сборнике «Рабочая революция на Урале». Автор, в прошлом командующий 3-й армией Восточного фронта, рассказал о том, в каких трудных условиях разворачивалась мобилизация революционных сил на Урале, как в ходе непрерывных и упорных боев определялись наиболее целесообразные формы военной организации, создавался мобилизационный аппарат, налаживалась система управления войсками.

Проблема военного строительства и боевой деятельности Красной Армии на Восточном фронте была в той или иной мере рассмотрена в общих исследованиях по истории гражданской войны. Специально ею занимались Н. Какурин, Г. Гай, А. Баранов, П. Быков, М. Кашеваров. Важнейшие мероприятия партии и Советского правительства по мобилизации революционных сил на борьбу с мятежными чехословаками и белогвардейцами проанализированы в монографии А. Анишева. Как и другие исследователи, Анишев подчеркивал, что гражданская война началась в тот момент, когда Красная Армия только еще создавалась. Поэтому первый удар контрреволюционных полчищ вынуждены были принять на себя добровольческие отряды трудящихся, которые формировались местными Советами и партийными организациями.

Отдавая должное героизму и самоотверженности добровольцев, автор вместе с тем вполне обоснованно критиковал недостатки отрядной системы. Он доказал, что одной из важных причин временных военных неудач советских войск являлось превосходство противника не только в численности, но и в опыте ведения войны, а также в материально-техническом оснащении. В связи с этим большое значение имел переход от разрозненных, плохо обученных и вооруженных добровольческих отрядов к массовой регулярной армии, комплектовавшейся на основе всеобщей воинской повинности. Ссылаясь на воспоминания Р. И. Берзина, А. Анишев коротко рассказал о приезде на Урал Высшей военной инспекции, об образовании Северо-Урало-Сибирского фронта, о создании на Волге и Урале регулярных частей и соединений Красной Армии. Улучшение организационного и политического руководства армиями Восточного фронта, повышение их боеспособности исследователь совершенно справедливо связывал с массовыми мобилизациями коммунистов, проведенными в соответствии с постановлениями Центрального Комитета. В тот момент, писал он, на восток было обращено все внимание нашей партии. В этих словах заключена верная оценка решающего значения Восточного фронта для существования Советского государства.

Однако история борьбы с чехословаками и белогвардейцами на Урале представляется Анишеву все же недостаточно конкретной. Особенно схематично освещен ход военных действий. Первым опытом конкретного исследования данной проблемы нужно считать

работу П. М. Быкова «Красная Армия в борьбе с контрреволюцией». Но в своей работе он не ограничился одними личными воспоминаниями, а попытался дать систематическое изложение истории создания Красной Армии на Урале, широко используя документальные материалы Уралистпарта. П. М. Быков приводит интересные данные относительно состава, численности, вооружения и боевого расположения советских войск на основных направлениях фронта, раскрывает особенности военной организации в период борьбы с чехословаками. В книге на фактическом материале обоснована необходимость реорганизации добровольческих отрядов Красной Армии в части регулярного типа, которая возникла в первые же месяцы войны.

Весьма интересный фактический материал был подобран в небольших исторических очерках шадринского краеведа М. С. Кашеварова «Красная страничка из истории 4-го Уральского полка» и «Борьба за Советы на Урале», написанных с привлечением документов Архива Красной Армии в Москве. Очерки посвящены событиям гражданской войны на Среднем Урале и в Зауралье. Здесь с началом чехословацкого мятежа и кулацко-белогвардейских восстаний возникли по инициативе местных партийных и советских организаций многочисленные добровольческие отряды из коммунистов, передовых рабочих, революционных солдат и крестьянской бедноты, образовавшие Камышловско-Шадринское направление, а впоследствии составившие ядро 29-й стрелковой дивизии. Основное внимание автор уделит истории 4-го Уральского, I Камышловского и I Крестьянского коммунистического полков. Эти полки, сформированные в основном из добровольцев, были лучшими в 3-й армии. Они сыграли главную роль в осуществлении таких крупных операций, как оборона Ирбитского завода, Егоршинского плацдарма, Нижнего Тагила, Кушвы, которые имели не только тактическое, но и военно-стратегическое значение. Очень ценным является то, что в очерках сообщаются подробные сведения о личном составе названных полков. Причем М. С. Кашеваров не просто перечисляет большое количество имен, а дает короткую характеристику боевых, политических и моральных качеств наиболее известных командиров и комиссаров Красной Армии. Несомненный интерес представляют, в частности, биографические справки о И. П. Вырышеве, М. С. Шумилове, П. Н. Подпорине, Ф. И. Акулове, А. А. Юдине и др.

Заслуживает внимания попытка ведущих историков проанализировать основные военно-политические итоги первого этапа борьбы с интервентами и белогвардейцами на Восточном фронте. Как известно, осенью 1918 г. Красная Армия нанесла сокрушительное поражение контрреволюционным силам, восстановив Советскую власть в Поволжье и Прикамье. Причины этих успехов А. Анишев и Н. Какурин связывают прежде всего с организационной и политико-воспитательной работой партии, направленной на увеличение

численности, укрепление боевой мощи и моральной стойкости советских войск Восточного фронта. Вместе с тем они подчеркивали важное значение социальных факторов, которые привели к ослаблению классовой базы контрреволюции. Выше уже излагалась точка зрения исследователей на последствия кратковременного господства белогвардейских правительств, возглавленных меньшевиками и эсерами. Н. Какурин писал, что реакционная политика этих правительств сделала свое дело. Трудящиеся крестьяне Поволжья и Прикамья, принудительно мобилизованные в так называемую Народную армию, в конце концов перестали служить соглашателям и начали массами дезертировать по домам.

Исследователи не могли однако не обратить внимание на тот факт, что, наряду с одержанными успехами в Поволжье и Прикамье, советские войска продолжали вести осенью 1918 г. тяжелые оборонительные бои на Урале. Н. Какурин в своей брошюре «Восстание чехословаков и борьба с Колчаком» объясняет это следующим образом. В планах восточной контрреволюции важное место занимала идея прорыва советского фронта в районе Перми — Котласа для объединения чехословаков и белогвардейцев с войсками английских интервентов на севере страны. Екатеринбургско-Пермское направление приобретало в связи с этим большое значение. Здесь были сосредоточены лучшие силы врага, в том числе все сибирские формирования и основная часть чехословацкого корпуса. А в центре и на правом фланге советских войск действовали части разваливающейся Народной армии. Отсюда относительная легкость победы Красной Армии в Поволжье и весьма упорный и ожесточенный характер боев на Урале. Эти объяснения правильные. Однако исследователь не учел, что в основе всего лежала иная расстановка классовых сил: уральские и сибирские крестьяне еще не усвоили уроков гражданской войны и продолжали поддерживать контрреволюцию.

Военные события в период борьбы с колчаковщиной изложены в литературе весьма сжато, схематично. Только Н. Какурин дал относительно полную и конкретную характеристику этих событий с момента прихода к власти Колчака и до окончательного разгрома белогвардейских оккупантов на Урале и в Сибири. В первую очередь внимание историка привлекла борьба за Пермь в декабре 1918 г. По его мнению, поражение 3-й армии, оборонявшей город, было обусловлено главным образом военными причинами. Он отмечал, в частности, большую растянутость фронта армии, ослабление ее пролетарского ядра в результате огромных потерь в боях, отсутствие подготовленных резервов и низкое качество пополнений, набираемых из местного крестьянского населения, плохую согласованность в действиях между 3-й и 2-й армиями. Сыграли свою роль также крайне неблагоприятные географические и климатические условия, в которых приходилось сражаться советским войскам. Социальные, политические факторы Какурин не учитывал, и в этом была его ошибка.

Вместе с тем Н. Какурин дал абсолютно правильную стратегическую оценку фактам. Он исходил из того, что Пермское направление не играло решающей роли в судьбах Восточного фронта. Кроме того, Колчак, захватив Пермь, так и не сумел осуществить давнишний замысел империалистов о соединении восточной контрреволюции с войсками интервентов и белогвардейцев на севере. Какурин дал высокую оценку боеспособности 3-й армии: составленная в основном из уральских рабочих, эта армия своим героическим сопротивлением сорвала замыслы Колчака. Он правильно указывал, что неудача под Пермью была компенсирована крупными успехами Красной Армии на Уфимском, Оренбургском и Уральском участках фронта. Стратегические последствия этих успехов являлись несравненно более значительными, чем победа противника на Пермском направлении.

Ни Н. Какурин, ни А. Анишев, ни уральские историки не расказали о мероприятиях ЦК РКП(б), советского командования, местных партийных организаций по восстановлению боеспособности 3-й армии после неудачных боев за Пермь. Они сразу же обратились к событиям, предшествовавшим и сопутствовавшим военному разгрому колчаковщины. Наступление Колчака весной 1919 г. показано бегло. Выделяются лишь отдельные принципиальные моменты. Так, А. Баранов попытался объяснить причины тяжелого положения, создавшегося на Восточном фронте. Но он указал лишь на то, что армии фронта были сильно ослаблены в результате систематической переброски частей на другие фронты. Н. Какурин подчеркивал большое значение военной помощи, которую оказали Колчаку интервенты, особенно англичане и чехословаки, взявшие на себя охрану коммуникаций белогвардейских армий и позволившие диктатору высвободить максимум сил для борьбы с Красной Армией.

В работе А. Анишева упомянуты социальные причины военных успехов Колчака. Автор писал, что в марте 1919 г. снова обнаружилось серьезное колебание крестьянства, которыми и воспользовалась контрреволюция в своих классовых целях. По его мнению, крестьянство к этому времени в основном признало Советскую власть как единственного организатора вооруженного отпора буржуазии и помещикам. И оно шло на необходимые жертвы. Колебания же были вызваны тем, что эти жертвы казались слишком тяжелыми. В данном случае исследователь продолжает придерживаться ошибочной точки зрения, будто бы поворот крестьянства Урала и Сибири на сторону Советской власти совершился до установления колчаковской диктатуры. Интересную попытку связать ход боевых действий с социальными факторами предпринял Г. Д. Гай, автор военно-исторического очерка «Первый удар по Колчаку». Очерк посвящен героической обороне Оренбурга весной 1919 г. Анализируя весьма критическую обстановку, создавшуюся на этом участке фронта в период общего наступления колчаковской армии, Гай обратил внимание на классовый и национальный

состав населения. Район Оренбурга и Уральска заселяло главным образом казачество. Кроме русских, здесь проживали башкиры и татары. По классовой принадлежности все население делилось так: 10% приходилось на долю пролетариата и деревенской бедноты, 60% составляло среднее крестьянство и 30% — зажиточное²⁹. Автор подчеркнул, что и казачество и нерусское население в общем относилось к Красной Армии резко враждебно. Неблагоприятная расстановка классовых сил в тылу осложняла положение Красной Армии и, наоборот, облегчала действия контрреволюции. Как видно, Г. Д. Гай совсем не разделял вывода Анишева и других историков о том, что к моменту решающих боев на Восточном фронте революционизирование масс крестьянства уже совершилось.

Ответное контрнаступление Красной Армии, завершившееся сокрушительным разгромом Колчака, описано в литературе более полно. Сравнительно детальный анализ стратегических и оперативно-тактических планов советского командования дан в брошюре Н. Какурина «Восстание чехословаков и борьба с Колчаком». Автор отметил исключительно важное значение успешных действий Южной группы войск Восточного фронта, которые внесли коренной перелом в ход борьбы с колчаковщиной. Он разобрал тактические особенности наиболее крупных операций Красной Армии, какими являлись контрудар под Белебеем и Бугульмой, форсирование реки Белой и овладение Уфой, сражение на Златоустовском плоскогорье, освобождение Екатеринбурга, бои за Челябинск. Ценный вклад в изучение истории военного разгрома колчаковщины внес Г. Д. Гай. В своем очерке он подробно описал боевые действия Первой армии, командующим которой являлся с момента наступления Колчака в начале марта и до разгрома белогвардейского корпуса генерала Бакича. Победа на реке Салмыш в конце апреля 1919 г. была первым крупным успехом советских войск, оборонявших район Оренбурга.

Выдающиеся победы Красной Армии над Колчаком получили в литературе в основном правильное объяснение. Какурин отметил огромный размах военно-мобилизационной и политико-воспитательной работы Коммунистической партии, особо подчеркнув значение массовых добровольческих мобилизаций для укрепления армий Восточного фронта. К сожалению, Какурин не раскрыл этого важного положения на конкретном фактическом материале, ограничившись общими словами. Что касается других исследователей, то они совсем не выделяли руководящей роли партии, ее Центрального Комитета в деле подготовки и осуществления разгрома колчаковщины.

Всеобщее внимание привлек вопрос о поведении крестьянства на заключительном этапе борьбы с Колчаком. Выражая точку зрения большинства историков, Н. Какурин писал, что попытка диктатора пересмотреть решенные революцией аграрный и нацио-

²⁹ Гай Г. Первый удар по Колчаку, с. 26.

нальный вопросы в конце концов поссорила его с мелкобуржуазными массами. Исследователи правильно установили, что изменения в настроении крестьянства восточных районов в первую очередь отразились на боеспособности белых армий. В частности, А. Анишев представлял себе дело так. Пока Колчак опирался на отборные офицерские части, он мог наносить Красной Армии сильные удары. Но для того чтобы развить успех, нужна была массовая армия, нужна была мобилизация крестьянства. Однако крестьяне, наученные горьким опытом войны, уже не хотели воевать с Советской властью. Насильственные же мобилизации только разлагали белые армии и обрекали их на поражение. Анишев не прав в одном, полагая, что на первых порах Колчак опирался исключительно на офицерские части. Как известно, на стороне диктатора сначала были и зажиточные крестьяне Урала и Сибири, которые добровольно шли служить в его армию. В данном случае сказались отсутствие достаточно четкого представления о социальных корнях колчаковщины.

Большое внимание в литературе уделено и другой стороне вопроса — разложению белогвардейского тыла в результате развития массового движения сопротивления рабочего класса и крестьянства, что также способствовало военным успехам Красной Армии. Причем это движение непосредственно связывалось с революционной деятельностью партии по ту сторону фронта. Надо сказать, что исследователи располагали в 20-х гг. ценным материалом по истории большевистского подполья на Урале и в Сибири. В какой-то мере этот материал использовали уральские историки Танеев и Баранов. Но они даже и не попытались раскрыть тему в полном ее объеме и ограничились лишь описанием деятельности крупнейших на Урале Екатеринбургского и Челябинского подпольных центров, да и то в самых общих чертах. В других работах история большевистского подполья при Колчаке почти не затрагивалась.

Под влиянием уроков гражданской войны коренным образом изменилось отношение крестьянства к Советской власти, к Красной Армии. Раньше, писал Н. Какурин, неустойчивость красного тыла объяснялась враждебными настроениями среднего крестьянства, «которое, не видя непосредственно перед собой помещика, думало уклониться от тягот гражданской войны, раздражавшей его необходимостью давать солдат в армию и хлеб по предразверстке; эти настроения сменялись другими, как только крестьянин воочию убеждался, что несет ему власть белой диктатуры, которая своим режимом содействовала советизации оккупированных ею районов в области психологической...»³⁰. Это дало свои практические результаты. Тот же Какурин в другом месте сообщает любопытный факт: при освобождении Челябинской губернии в Красную Армию за две недели влилось без всякого принуждения 24 тыс. бойцов из местного населения, а Колчак сумел завербовать только

³⁰ Какурин Н. Как сражалась революция, т. 1, с. 94.

200 добровольцев³¹. Так создавались предпосылки военного союза рабочих и трудящихся крестьян, который стал основой для решения важнейших оборонных задач.

Большинство местных историков, к сожалению, не поняло решающего значения правильной политики по отношению к крестьянству. Революционизирование трудящихся масс деревни рассматривалось в литературе в основном как стихийный процесс, совершавшийся под воздействием уроков белогвардейщины. Однако ведущие историки подошли к этому вопросу с верных методологических позиций. Так, Анишев подчеркивал, что изменения в расстановке классовых сил, которые наметились в ходе гражданской войны, явились в значительной степени результатом целеустремленной борьбы партии за крестьянство. Особо важное значение, по мнению исследователя, имел VIII съезд РКП(б), закрепивший в своих решениях линию партии на союз с середняком. Какурин считал, что в результате постановлений съезда партии диктатура пролетариата приобрела себе прочный и обширный базис не только в пролетарских и полупролетарских слоях населения, но и в многочисленном слое среднего крестьянства.

Таково содержание основных проблем истории гражданской войны на Урале, поставленных в советской литературе 20—начала 30-х гг. Как было показано, исследователи достигли в то время серьезных положительных результатов в изучении социально-экономических, политических и военных аспектов темы на основе марксистско-ленинской методологии. Однако это изучение велось главным образом в теоретическом плане, без необходимого количества фактического материала. Отсюда схематизм и декларативность, которыми отличались почти все произведения исследовательского характера. Этим отчасти объяснялись и ошибки историков в толковании некоторых принципиальных вопросов. Кроме того, недостаток конкретных фактов в известной степени помешал осветить многие важные стороны в жизни трудящихся Урала в период борьбы с белогвардейцами и интервентами.

Борьба за утверждение ленинского принципа партийности в историографии гражданской войны

Становление советской исторической науки совершалось в обстановке острой борьбы с влиянием буржуазной идеологии. Эта борьба находила отражение и в области истории гражданской войны. Идеологи противники ленинизма стремились в своих писаниях так подтасовать факты, чтобы завуалировать классовый характер войны, снять с буржуазии и ее политических партий ответственность за те неисчислимые жертвы, которые понес советский народ, отстаивая завоевания социалистической революции и независимость страны от агрессии империалистов. Речь идет, разумеет-

³¹ Какурин Н. Восстание чехословаков и борьба с Колчаком, с. 72.

ся, не о белоэмигрантской литературе, заполненной от первой до последней строчки беспардонной ложью и злобной клеветой на наш общественный строй, на Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, на Коммунистическую партию и ее вождей. Имеются в виду работы, авторы которых выступали под маркой советских историков, а в действительности пропагандировали взгляды, абсолютно чуждые марксистско-ленинской концепции истории гражданской войны. Такие работы публиковались наряду с подлинно научными историческими исследованиями не только местными, но и центральными издательствами.

Еще в разгар гражданской войны в свет вышла небольшая брошюра К. Буревоего «Колчаковщина»³². Она имела совершенно определенное политическое назначение: оправдать в глазах народа так называемых «социалистов», доказать вопреки очевидным фактам их полную непричастность к кровавому господству буржуазно-помещичьей реакции. Автор утверждал, что меньшевики и эсеры всего лишь боролись за Учредительное собрание, а Дутов, Болдырев и Колчак примазались к ним, чтобы свергнуть Советскую власть большевиков и затем расправиться с «демократическими» партиями. Самарскую учредилку он назвал подлинно социалистическим правительством, а сформированную им белогвардейскую Народную армию объявил «единственной силой демократии». В целом брошюра К. Буревоего явилась откровенной апологией соглашательства и в корне расходилась с ленинской оценкой уроков гражданской войны.

Наиболее характерным образчиком мелкобуржуазного объективизма и эклектизма в объяснении событий гражданской войны на Урале может служить работа И. Подшивалова, опубликованная в 1925 г. военно-научным обществом³³. Концепция автора, чрезвычайно путаная и противоречивая, сложилась, по-видимому, под влиянием левоэсеровской идеологии.

Свое исследование Подшивалов ограничил территориальными рамками Южного Урала, точнее одной только Уфимской губернии. Главное внимание он уделил социально-экономическим и политическим факторам гражданской войны, ее движущим силам. По его мнению, ведущую роль в классовой борьбе на Южном Урале играли крестьянские массы. Объективные предпосылки революционизирования деревни вскрыты как будто правильно. В работе использованы статистические материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г., которые позволяют судить об имущественной дифференциации деревенского населения Уфимской губернии накануне Октября. Однако логических выводов из анализа этих материалов не сделано. Наоборот, вступая в явное противоречие с приведенными фактами, автор постарался изобразить уфимское крестьянство как единый общественный класс, назвал его в целом бедным

³² Буревой К. Колчаковщина. М., 1919.

³³ Подшивалов И. Гражданская борьба на Урале. 1917—1918 гг. М., 1925.

в отличие, например, от богатого самарского крестьянства. И. Подшивалов не вскрыл до конца революционных возможностей крестьянства. Он не увидел своеобразного переплетения в деревне двух социальных войн, вызванного развитием капиталистических отношений в условиях сохранения остатков феодального строя, не понял объективной неизбежности перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

В характеристике экономического положения и социального состава рабочего класса допущены еще более грубые искажения. Подшивалов первый протащил в советскую историческую литературу либерально-народническую, эсеровскую теорию о полукрестьянской природе уральского рабочего. Подшивалов отрицал наличие капиталистической эксплуатации на заводах Урала. Он считал, что не противоречия между трудом и капиталом, а полукрепостническая кабала заводчиков и земельная необеспеченность являлись «тем крупнейшим революционным фактором, который ставил уральского рабочего-крестьянина в передовые ряды бойцов революции»³⁴. Таким образом, Подшивалов полностью игнорировал объективные предпосылки социалистической революции на Урале. В своей концепции он исходил из того, что коренной уральский пролетариат, зараженный мелкобуржуазной идеологией, не мог сыграть авангардной роли в революции, не мог обеспечить правильного политического руководства многомиллионными массами трудящегося крестьянства. Это была грубая фальсификация героической истории рабочего класса Урала, который являлся одним из передовых отрядов российского пролетариата, надежным оплотом Коммунистической партии.

Как же обрисована в работе расстановка классовых сил и политических партий на Урале в период установления и упрочения Советской власти? По словам автора, основная масса населения — крестьянство — сначала отнеслась к Октябрьской революции безразлично, а потом, когда Советская власть запретила свободную торговлю и стала реквизировать хлебные излишки, выступила на стороне контрреволюции. Таким образом, крестьянство в целом противопоставлено Советской власти, как враждебный, антагонистический класс. И оно оставалось таковым до тех пор, утверждал Подшивалов, пока правящая партия большевиков не изменила своего отношения к нему. Другой серьезной антисоветской силой он считал национально-освободительное движение нерусских народов Урала. Это движение, возглавляемое буржуазными националистами, будто бы не имело классовых различий и было направлено против русских вообще. Что касается единственного сторонника Советской власти — рабочего класса, то и он в силу указанных причин проявлял политическую неустойчивость, с одной стороны, мобилизуя силы на борьбу с дубовщиной и белочехами, а с другой — участвуя в контрреволюционных мятежах. Выходит, что

³⁴ Подшивалов И. Гражданская борьба на Урале, с. 31.

социалистическая революция на Урале, в сущности, не нашла поддержки в массах. Но тогда на какие же социальные силы опиралась Коммунистическая партия, кроме очень небольшого круга сознательных пролетариев, кто помогал ей свергнуть власть помещиков и капиталистов, а затем упорно сражался с многочисленными полчищами белогвардейцев и интервентов? На этот вопрос книга Подшивалова вразумительного ответа не дает.

Политическое кредо И. Подшивалова особенно отчетливо проявилось в оценке деятельности мелкобуржуазных партий. К числу безусловно контрреволюционных он отнес только партии меньшевиков и правых эсеров, которые являлись организаторами антисоветских мятежей. Что касается «левых» эсеров, то их роль в гражданской войне показана в ином плане. Эта партия, отражавшая интересы колеблющихся масс мелкого и среднего крестьянства, была, как утверждал автор, самой многочисленной и влиятельной на Урале. Только в союзе с ней большевикам удалось упрочить свое положение и создать советский государственный аппарат. И наоборот. Разрыв с «левыми» эсерами ослабил Советскую власть, послужил важнейшей причиной гражданской войны. Взяв под защиту авантюристическую политику «левых» эсеров, Подшивалов в то же время огульно раскритиковал деятельность большевиков. Он обвинил их в политической близорукости, в непонимании всей сложности военной обстановки, создавшейся в результате мятежа чехословацкого корпуса, в неумелом руководстве революционными силами.

Опубликование работы И. Подшивалова, безусловно, отрицательно отразилось на становлении советской историографии гражданской войны. Антинаучная, антиленинская концепция автора оказала известное влияние не только на молодые кадры историков и краеведов, но и на таких опытных исследователей-профессионалов, как А. Таняев, который некритически воспринял надуманную, ничем не обоснованную социальную характеристику уральского пролетариата.

Следует назвать еще одно произведение, которое никак нельзя отнести к марксистской историографии. Это изданная штабом РККА книга М. Л. Муртазина об участии в гражданской войне башкирских национальных войск³⁵. Автор по своим политическим убеждениям — типичный буржуазный националист. Он открыто взял под защиту башкирских националистов во главе с Валидовым, постарался как-то оправдать их позорное сотрудничество с буржуазно-помещичьей реакцией в годы гражданской войны и иностранной интервенции.

В основу концепции М. Л. Муртазина положен тезис о бесклассовости башкирского народа. Суть его такова. В силу крайней экономической и культурной отсталости башкиры накануне Октя-

³⁵ Муртазин М. Л. Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну. М., 1927.

орской революции еще не успели пережить процесс имущественного расслоения. У них не было «выкристаллизованных социальных групп, противостоящих друг другу», не было, значит, и социальных противоречий. За исключением незначительной части контрреволюционной крупной буржуазии, башкирский народ выступал в революции и гражданской войне единой компактной массой под общим лозунгом национального самоопределения. Противоречия существовали только между всей нацией и колониальной политикой царизма, между земледельческим населением и русскими переселенцами, захватившими лучшие земли. Эти противоречия и являлись единственным стимулом национально-освободительного движения.

Как видно, здесь полностью опущены социально-экономические и политические факторы, которые привели к победе революции и установлению Советской власти в Башкирии. Автор намеренно сбросил со счета или признал неверными имевшиеся в литературе и опубликованных источниках статистические сведения относительно глубокой классовой дифференциации башкирской деревни, огромной неравномерности в распределении земли и скота между богатыми башкирами — вотчинниками и крестьянской беднотой — так называемыми припущенниками, наличия разоренной и обездоленной массы деревенского населения, пополнявшей ряды городского пролетариата. Он грубо исказил действительную историю революционной борьбы трудящихся Башкирии, выхолостив ее классовое содержание, умолчав о том, что эта борьба на протяжении длительного времени была направлена не только против колониального порабощения, но и против гнета собственных эксплуататоров.

Идеологическая борьба вокруг коренных социальных и политических проблем истории гражданской войны выражалась, разумеется, не только в открытой апологии мелкобуржуазных партий. Это было ее крайнее проявление. Гораздо чаще влияние чуждой Марксизму идеологии на советскую историографию сказывалось в объективистской трактовке событий, аполитичности, отсутствии четкого представления о соотношении сил революции и контрреволюции, недооценке роли Коммунистической партии и Советского государства в организации обороны страны. В исторической литературе 20-х гг. еще не утвердился прочно принцип большевистской партийности.

Печатная продукция Уралистпарта хотя и внесла существенный вклад в изучение военных событий, но в целом отличалась все же низким идейно-теоретическим уровнем. По преимуществу она носила фактографический характер. В ней не чувствовалось масштабности событий, действия объективных закономерностей общественного развития. Не было там зачастую и достаточно правильного и конкретного понимания деятельности народных масс, общественных классов, политических партий. Чрезвычайно слабо подчеркивалось значение организационного, политического и идеоло-

гического руководства массами со стороны Коммунистической партии, ее ленинского Центрального Комитета.

В большинстве работ местных историков и краеведов имя Ленина, который в годы гражданской войны стоял во главе обороны Советского государства, или вовсе не указывается, или упоминается наряду с именами Троцкого и Зиновьева. Уральские историки 20-х гг. недостаточно глубоко изучили ленинское теоретическое наследие, важнейшие директивы партии и правительства. С другой стороны, исследователи слишком увлекались различного рода антисоветской литературой, не умея дать ей принципиальной, классовой оценки. В публикациях истпартов эта литература занимала непомерно большое место. Недостаток принципиальной большевистской партийности, слабая теоретическая подготовка местных исследователей, их некритический подход к источникам способствовали проникновению в литературу меньшевистско-эсеровских, троцкистских взглядов на историю.

Выше отмечалось, что одной из причин низкого качества научной продукции советских историков была ограниченность источниковедческой базы. Но главное заключалось в недостатке профессионального образования исторических кадров, в неумении их свободно владеть марксистско-ленинской методологией и методикой исследования.

Вот почему Коммунистическая партия проявляла постоянную заботу о повышении теоретической подготовки историков. В этом смысле важное значение имели дискуссии по военным и политическим проблемам, которые проходили на страницах советской печати. Особенно активное участие в пропаганде методологических основ исторической науки, в разоблачении идейных противников ленинизма приняли журналы «Пролетарская революция» — орган центрального Истпарта — и «Историк-марксист», издававшиеся обществом историков-марксистов. Через свой журнал, а также путем непосредственных инструктивных указаний Истпарт руководил работой большой массы исследователей, объединяемых местными истпартами, оказывал им необходимую организационную и теоретическую помощь. Заметное влияние на повышение научного уровня исторических исследований оказывали периодически созывавшиеся по инициативе Центрального Комитета партии все-союзные совещания историков, в особенности Первая Всесоюзная конференция историков-марксистов, которая состоялась в декабре 1928 г. Решающее влияние на становление советской исторической науки оказала борьба партии с троцкизмом и другими оппортунистическими группировками, пытавшимися фальсифицировать историю, исказить и дискредитировать ленинское учение о социалистической революции.

Недостаток подготовленных историков-профессионалов чрезвычайно остро ощущался на местах. Это видно на примере Урала. В начале своей деятельности Уралистпарт почти не располагал квалифицированными кадрами. Из штатных научных сотрудников,

работавших в нем в 20-е гг., никто не имел специального исторического образования. П. М. Быков до революции служил прапорщиком в армии, а затем находился на партийной и советской работе. С. С. Моисеев, исполнявший с 1928 г. обязанности заведующего Уралистпартом, имел низшее образование и был по специальности столяром. Первый заведующий облпартархивом А. Ф. Крылов окончил в свое время приходскую школу, работал ювелиром и уже после гражданской войны пополнил свое образование на курсах партийных работников. В. Мутных и Д. Наранович выдвинулись на партийно-политической работе во время Октябрьской революции и гражданской войны. Высшее образование имела только Р. М. Рубинштейн, закончившая Академию коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской в Москве. Но она приехала на Урал лишь в 1929 г.

Из нештатных сотрудников Уралистпарта следует назвать А. Тяняева — профессора Урало-Сибирского коммунистического университета. Педагог по специальности, выпускник Института красной профессуры А. П. Тяняев являлся серьезным исследователем, одним из самых крупных знатоков истории революционного прошлого Урала. Однако и он допускал в своих работах существенные теоретические промахи.

Отрицательную роль в определении общего теоретического направления исследований в области истории Октябрьской революции и гражданской войны сыграло то обстоятельство, что в течение 1921—1926 гг. Уралбюро Истпарта возглавлял троцкист В. Воробьев.

Заметное улучшение качества научной разработки истории революционного движения на Урале наметилось в начале 30-х гг. 6 марта 1930 г. секретариат Уралобкома ВКП(б) рассмотрел вопрос о деятельности истпарта и вынес соответствующее постановление³⁶. Там было указано на неудовлетворительное состояние дела с изучением революционного прошлого Урала, в особенности истории борьбы большевиков против антиленинских оппортунистических группировок. Уралобком признал необходимым в течение ближайшего времени приступить к подготовке популярных книг и научных монографий, освещающих наиболее важные события в жизни Уральской партийной организации за весь период ее существования. В качестве одной из тем намечалась история создания на Урале Красной гвардии и регулярной Красной Армии в годы гражданской войны. Постановление обязывало историков из числа преподавателей Комвуза и Совпартшколы (Свердловского института марксизма-ленинизма) вести наряду с учебной также и научно-исследовательскую работу в истпарте. Кроме того, к этой работе предполагалось привлечь в порядке партийного поручения членов областного общества историков-марксистов и наиболее способных исследователей из округов.

³⁶ ПАСО, ф. 129, оп. 1, д. 2, л. 56.

Линия на преимущественное изучение истории большевизма, на решительное преодоление влияния троцкистской идеологии в исторической науке получила свое дальнейшее развитие после опубликования известного письма Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» в 1931 г. В связи с этим письмом Уралистпарт организовал просмотр всех более или менее крупных работ по истории партии и революционного движения, выпущенных местными издательствами. В этом деле приняли активное участие историки города, краеведы, старые большевики. Для обсуждения работ было созвано 7 совещаний актива. Рецензии публиковались в журнале «Уральский коммунист» и газете «Уральский рабочий»³⁷. Просмотр выявил действительно серьезные теоретические и политические ошибки в освещении некоторых важных моментов в истории революционного движения на Урале³⁸.

Чтобы поднять идейно-теоретический уровень исследовательской работы, необходимо было в первую очередь решить вопрос о кадрах. В начале 30-х гг. штат научных сотрудников Уралистпарта пополнился квалифицированными специалистами. Помимо Р. М. Рубинштейн, сюда была направлена еще целая группа выпускников Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской в составе Г. П. Рычковой, В. И. Решетова, М. И. Алексеева, А. И. Мошковой. Штатными сотрудниками испарта стали А. П. Тяняев, С. И. Цукерман, окончившая Ленинградский институт истории и литературы, А. П. Шавин и Ф. В. Казакевич, которые повышали свою квалификацию в Совпартшколе. По совместительству в Уралистпарте работали преподаватели Комвуза профессор С. Петров и Ф. П. Быстрых, направленный в Свердловск после окончания Академии коммунистического воспитания. Деятельное участие в работе Уралистпарта принимал видный пролетарский писатель и публицист, в прошлом политработник 29-й стрелковой дивизии П. П. Бажов. Важное внимание было уделено дальнейшему укреплению связи с общественностью. Для этого при испарте организовался общественный Совет, куда вошли представители от Уралобкома ВКП(б), общества историков-марксистов, общества старых большевиков, обкома ВЛКСМ, Уралпрофсовета, общества политкаторжан, комиссий содействия из Перми, Златоуста, Лысьвы, Надеждинска, Челябинска, Нижнего Тагила. Совет рассматривал планы научно-исследовательских, организационных и политико-массовых мероприятий, устраивал обсуждение и рецензирование рукописей, заслушивал творческие отчеты сотрудников. Все это создало необходимые условия для развертывания научной работы, привлекло внимание историков к актуальнейшим проблемам истории Коммунистической партии, Октябрьской революции и гражданской войны, способствовало повышению теоретического

³⁷ ПАСО, ф. 129, оп. 1, д. 2, л. 76.

³⁸ См.: Уральский коммунист, 1932, № 1, с. 104—105.

уровня исследований, преодолению вредного влияния мелкобуржуазной идеологии.

* *

Период 20—начала 30-х гг. составляет важнейший и весьма ответственный этап в развитии советской историографии гражданской войны. В это время происходило накопление фактического материала, комплектовались архивные фонды, определялся круг основных проблем, разрабатывалась научная марксистская методология темы. Опираясь на теоретическое наследие В. И. Ленина, исследователи сумели в общих чертах разобраться в особенностях гражданской войны на востоке страны. Они в основном правильно выяснили объективные и субъективные причины войны, связали ход военных действий с конкретным соотношением классовых сил и политических партий. Огромное значение имели мероприятия партии по развитию исторического образования в центре и на местах. Эти мероприятия выразились в создании соответствующих научно-исследовательских и культурно-просветительных учреждений и организаций, подготовке кадров историков-марксистов, развертывании публикаторской работы. В те годы был накоплен богатый опыт в деле привлечения широкой общественности к разработке и пропаганде актуальнейших проблем истории социалистической революции, о чем достаточно наглядно свидетельствовала деятельность Уралистпарта и его местных отделений.

Вместе с тем становление и развитие советской историографии на первом этапе сдерживалось, по крайней мере, двумя факторами. Во-первых, недостатком фактического материала. Как уже было сказано, в собирании и публикации различного рода источников историки достигли значительных успехов. Но преобладающим видом источников являлись воспоминания, которые при всей их значимости все же не могли дать достаточно объективного и полного освещения событий. Поскольку архивные и другие неопубликованные материалы удалось собрать не сразу, исследователи вынуждены были ограничиваться сравнительно узким кругом источников. Это придавало литературе, в частности работам по истории гражданской войны, декларативный характер, мешало конкретному изучению проблематики, порождало теоретические и фактические ошибки. Только в конце 20-х гг., когда стали функционировать центральные и местные советские, партийные и военные архивы, когда историки практически получили доступ к неопубликованным материалам, появилась реальная возможность поставить научно-исследовательскую работу на прочную источниковедческую основу.

Вторым отрицательным фактором являлась недостаточная теоретическая подготовка исторических кадров. Произведения В. И. Ленина и других классиков марксизма, работы крупных советских военных теоретиков и историков сыграли решающую роль в создании научной истории гражданской войны. Становление

исторической науки происходило на теоретической базе ленинизма. Но этот процесс совершался в острой борьбе с оппортунистической идеологией. Идейные противники Коммунистической партии всех мастей, пользуясь теоретической слабостью основной массы наших кадров, стремились протащить в советскую литературу по истории гражданской войны мелкобуржуазные взгляды, исказить подлинные факты, выхолостить их классовое содержание. Надо было организационно и идейно разбить оппортунизм и утвердить в исторической литературе принцип большевистской партийности, чтобы ленинская концепция гражданской войны окончательно восторжествовала.

Глава вторая. ИЗУЧЕНИЕ СОБЫТИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА УРАЛЕ ЗА ПЕРИОД С НАЧАЛА 30 — ДО СЕРЕДИНЫ 50-х ГГ.

Усиление собирательской и исследовательской работы в связи с подготовкой многотомной истории гражданской войны

30 июля 1931 г. Центральный Комитет нашей партии принял постановление «Об издании истории гражданской войны». Это постановление вызвало широкий размах собирательской, научно-исследовательской и публикаторской работы, ознаменовав новый этап в развитии историографии темы. Образованная по указанию ЦК ВКП(б) главная редакция во главе с А. М. Горьким поставила перед собой задачу создать многотомное научно-популярное исследование, которое с наибольшей полнотой отразило бы ход борьбы за установление и упрочение Советской власти как в целом, так и в отдельных районах и республиках страны. Основные направления предполагаемой работы были изложены в плане издания, составленном главной редакцией и изданном специальной брошюрой в 1932 г.¹

Во втором, третьем и шестом томах издания предполагалось осветить ход гражданской войны в восточных районах. Проспект плана этих томов содержал ряд новых принципиальных моментов, и сам по себе являлся значительным шагом вперед в развитии научной методологии темы. Прежде всего, там более четко была выражена мысль об ответственности иностранных империалистов — подлинных вдохновителей и организаторов гражданской войны. Как видно из проспекта, дело не ограничивалось оказанием финансовой и материально-политической помощи внутренней контрреволюции в ее борьбе с Советской властью. Антанта сделала руководителей контрреволюционных сил, в особенности Колчака, своими послушными ставленниками.

В проспекте была сделана попытка глубже разобраться и в реакционной деятельности белогвардейских правительств, направленной на ликвидацию завоеваний социалистической революции и восстановление буржуазно-помещичьего строя. В частности, авторы его рекомендовали проанализировать программу Колчака по рабочему, аграрному и национальному вопросам, шире и ярче

¹ История гражданской войны. План издания, утвержденный Главной редакцией. М., 1932.

показать политику социального и национального угнетения трудящихся, политику массового террора, грабежей и насилий.

Далее внимание историков было обращено на правильное понимание авангардной роли рабочего класса Урала в мобилизации революционных сил на отпор белогвардейцам и интервентам. Проспект отмечает активное участие рабочих Лысьвы, Екатеринбургa, Уфалея, Мишьяра, Троицка и других крупных заводов в создании добровольческих отрядов и регулярных подков Красной Армии, в борьбе с контрреволюцией на фронте и в тылу. Наряду с рабочим классом, должное место в событиях гражданской войны отводилось трудящимся массам крестьянства, казачества и нерусских народов Урала.

Авторы проспекта впервые попытались конкретно представить масштабы и значение руководящей деятельности партии и правительства в период борьбы за Волгу и Урал. Главным образом это относилось к мероприятиям по разгрому колчаковщины. Борьба с Колчаком рассматривалась во всех аспектах, прежде всего в военном.

В проспекте были отмечены некоторые выступления В. И. Ленина, директивные документы партии, касающиеся организации обороны страны, в частности «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта», которые явились программой мобилизации революционных сил на разгром колчаковщины. Там особо подчеркивалось, какое важное значение придавал Ленин скорейшему освобождению Урала от белогвардейских оккупантов и что делалось по его указаниям советским командованием, чтобы форсировать контрнаступление Красной Армии.

Авторы проспекта затронули также некоторые политические аспекты деятельности партии на данном этапе гражданской войны, в особенности мероприятия по укреплению военно-политического союза рабочего класса с крестьянством, которые осуществлялись в соответствии с решениями VIII съезда РКП(б).

План и проспект издания гражданской войны, разработанные Главной редакцией, разумеется, не были свободны от недостатков. Далеко не все вопросы интересующей нас темы нашли там отражение. В плане нет четкой периодизации, которая соответствовала бы изменениям в расстановке классовых сил и политических партий. Тем не менее, положительное значение этого документа было неоспоримо. Он вооружил историков конкретной программой исследования, привлек их внимание к наиболее актуальным проблемам, подчеркнул решающее значение правильного методологического подхода к объяснению событий гражданской войны.

Для нового этапа развития исторической науки вообще характерно повышенное внимание к вопросам методологии. Первая половина 30-х гг. проходит под знаком активного наступления на рецидивы буржуазной идеологии и полного торжества марксистско-ленинской концепции исторического процесса.

Утверждению методологии марксизма в советской историографии во многом способствовала дальнейшая разработка ленинского теоретического наследия. В 1932 г. были завершены второе и третье издания сочинений В. И. Ленина, значительно дополненные и расширенные по сравнению с первым. Затем началась подготовка наиболее полного четвертого издания. Она закончилась в 1950 г. Помимо статей, докладов и выступлений Владимира Ильича, в научный оборот вошла его разнообразная переписка, представляющая исключительный интерес с методологической и источниковедческой точки зрения. К середине 30-х гг. относится первая попытка издать отдельной книгой ленинскую переписку периода гражданской войны и иностранной военной интервенции². Вслед за этим начал периодически выходить «Ленинский сборник». В отдельных томах сборника были подобраны телеграммы, письма, предписания, распоряжения и другие документы, относящиеся к военной деятельности В. И. Ленина. В 1943 г. Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) издал «Военную переписку» В. И. Ленина³. В нее вошли документы, извлеченные главным образом из ленинских сборников, частично из третьего издания сочинений, а также из газет, журналов, документальных сборников, архивных фондов ИМЭЛ. Эти документы, хотя и неполные, давали весьма яркое представление о той колоссальной организационной работе, которую вел глава Коммунистической партии и Советского государства в годы гражданской войны.

Это можно хорошо проследить на примере Урала. В «Военной переписке» был приведен целый ряд документов, характеризующих роль В. И. Ленина в организации отпора контрреволюции на Восточном фронте. Мудрый стратег классовых битв сразу оценил всю глубину опасности, нависшей над страной в результате чехословацкого мятежа и вызванного им повсеместно вооруженного выступления внутренних контрреволюционных сил. В письме работникам Восточного фронта от 1 августа 1918 г. Ленин писал, что «сейчас вся судьба революции стоит на одной карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань — Урал — Самара»⁴. Он требовал от рабочего класса — авангарда социалистической революции, от всех партийных, советских, профессиональных и других общественных организаций трудящихся максимального напряжения сил, чтобы оказать эффективную помощь Восточному фронту. В этом отношении весьма интересны ленинские директивы руководителям петроградских организаций, направленные 20 и 27 июля. Они были вызваны тем, что стоявший тогда во главе Петроградского Совета Зиновьев и его сторонники вопреки указаниям Центрального Комитета партии саботировали мобилизацию рабо-

² В. И. Ленин. Из эпохи гражданской войны. Письма, документы, распоряжения. М., 1934.

³ В. И. Ленин. Военная переписка. 1917—1920 гг. М., 1943.

⁴ В. И. Ленин. Военная переписка. 1917—1920 гг., с. 32.

чих. Владимир Ильич сурово осудил саботажников. Он настаивал на срочной посылке против чехословаков сотен и тысяч передовых питерских рабочих, которые бы смогли просвещать, объединять и дисциплинировать советские войска Восточного фронта.

10 августа В. И. Ленин предписал Высшему военному совету всячески усилить Восточный фронт, перебросив сюда наибольшее число частей с Западного фронта. Создатель и вождь Красной Армии пристально следил за ходом боевых операций против мятежных чехословаков и белогвардейцев, лично контролировал выполнение директив об освобождении Казани, Самары, Ижевска, Воткинска, Уфы, Оренбурга и других городов Поволжья и Урала.

Ленин придавал огромное значение правильному политическому руководству армией. Не случайно партия бросала на фронт свои лучшие кадры организаторов и политических работников. В циркулярном письме Центрального Комитета, написанном Лениным осенью 1918 г., говорилось: «Сентябрьские военные успехи на Восточном фронте вызваны были в первую очередь той энергичной, решительной и самоотверженной работой, которую выполнили члены партии на Восточном фронте в качестве комиссаров, командиров и рядовых красноармейцев»⁵.

Исключительно велика роль В. И. Ленина в руководстве мероприятиями партии и правительства по разгрому колчаковщины. Об этом свидетельствуют ленинское «Письмо петроградским рабочим о помощи Восточному фронту» от 10 апреля 1919 г., ряд телеграмм на имя М. В. Фрунзе, посланных во время начавшегося контрнаступления Красной Армии, известная телеграмма Реввоенсовету Восточного фронта от 23 мая, в которой Ленин в ответ на близорукое предложение Троцкого остановить наступление против Колчака и перебросить войска на Южный фронт категорически потребовал завершить освобождение Урала до зимы, считая в противном случае гибель революции неизбежной. В течение весны и лета 1919 г., когда на востоке развернулись решающие сражения, В. И. Ленин не ослаблял внимания к вопросам оперативного руководства фронтом, комплектования, снабжения и политического просвещения советских войск. Большое морально-политическое значение имели приветственные телеграммы вождя советским армиям фронта в связи с успешно проведенными операциями по освобождению крупнейших промышленных центров Урала — Перми, Кунгура, Екатеринбургa, Златоуста, Челябинска.

Публикация ленинской военной переписки позволила, таким образом, в значительной степени конкретизировать чрезвычайно важный вопрос о руководящей роли Коммунистической партии, Советского правительства в деле мобилизации народных сил на борьбу с восточной контрреволюцией, который в предшествующий период развития исторической науки был недостаточно изучен.

Отличительная особенность нового этапа заключалась далее в

⁵ В. И. Ленин. Военная переписка. 1917—1920 гг., с. 75.

том, что научно-исследовательская работа в области истории гражданской войны была поставлена на более широкую историко-ведическую базу. В 30-х гг. важным видом источников, продолжают оставаться воспоминания. Однако главное внимание историков сосредоточивается на изучении обширного документального материала, который сконцентрировался к тому времени в центральных и местных архивах. Расширение круга источников по данной теме было связано и с деятельностью главной редакции «Истории гражданской войны». Секретариат главной редакции во главе с И. И. Минцем, образованный в качестве ее исполнительного органа, проделал с помощью большого актива ученых, архивистов, краеведов, непосредственных участников событий значительную работу по выявлению и публикации документов, материалов и воспоминаний⁶.

В 1940 г. секретариат главной редакции опубликовал первый том документов и материалов по истории гражданской войны⁷. В основном он охватывал события за 1918 г. Интересующих нас документов там больше двадцати. Они извлечены из центральных архивов, газет, воспоминаний, стенографических отчетов и разных печатных изданий. Это директивы Советского правительства по борьбе с чехословаками и белогвардейцами, оперативные и разведывательные сводки командования Красной Армии, обращения местных партийных организаций в связи с мобилизацией революционных сил, сообщения о ходе боев на отдельных участках чехословацкого фронта и т. д.

Сборники или подборки документов, опубликованные другими учреждениями, освещали преимущественно историю борьбы с колчаковщиной. Следует выделить сборник о выдающемся полководце гражданской войны М. В. Фрунзе, который был подготовлен группой научных сотрудников Центрального архива Красной Армии⁸. Первый раздел «М. В. Фрунзе на Восточном фронте» содержит свыше 150 документов — приказов, директив, докладов, телеграмм, обращений, докладных записок, написанных Фрунзе в бытность его сначала командующим Южной группой войск Восточного фронта, а затем командующим Восточным фронтом. Все эти документы позволяют весьма подробно проследить ход подготовки и осуществления наиболее крупных операций по разгрому Колчака.

На новом этапе были достигнуты крупные успехи и в области подготовки специалистов, владеющих марксистской методологией и методикой исторического исследования. Издание такой фундаментальной публикации, как многотомная «История гражданской войны», потребовало, естественно, значительного числа опытных и широко эрудированных исследователей. Их готовили историче-

⁶ См.: Минц И. И. Изучение истории Великой пролетарской революции и гражданской войны. — В сб.: Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.—Л., 1942.

⁷ Документы по истории гражданской войны в СССР. М., 1940, т. 1.

⁸ М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. док. М., 1941.

ские кафедры крупных вузов, где по инициативе главной редакции были созданы специальные семинары по истории Октябрьской революции и гражданской войны. В исследовательской работе приняли активное участие видные историки И. Минц, Е. Городецкий, И. Разгон, Э. Генкина, А. Гуковский. В составе главной редакции и ее секретариата работали такие выдающиеся политические и военные деятели, как И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, С. М. Киров, А. С. Бубнов, Р. П. Эйдеман, Я. Б. Гамарник. Наконец, членами Исторической редакции, которая была создана для редактирования издания, являлись крупные историки и теоретики партии М. Н. Покровский, Е. М. Ярославский, Н. Н. Попов, Я. А. Яковлев и др.⁹ Такой состав ведущих исследователей мог обеспечить высокий теоретический уровень и необходимую фактическую полноту издания.

Общие работы по истории гражданской войны, вышедшие в первой половине 30-х гг., уже с достаточной очевидностью отражали те качественные сдвиги, которые наметились к этому времени в развитии историографии темы¹⁰. В этом отношении весьма показательна монография военного историка А. Голубева. Внимательно изучив литературу, архивные источники и в особенности произведения В. И. Ленина, автор попытался дать изложение боевых событий гражданской войны на основных ее этапах, определяемых соотношением внутренних и международных классовых сил. В полном соответствии с ленинской концепцией он четко разграничил враждующие группировки по их классовой принадлежности: с одной стороны, победивший в революции пролетариат, опиравшийся на деревенскую бедноту, с другой — блок свергнутых эксплуататорских классов помещиков и крупной буржуазии. Вместе с тем течение войны и ее конечный результат, как правильно подметил исследователь, в решающей мере зависели от поведения мелкобуржуазных масс крестьянства, которые имели огромный удельный вес в населении страны.

Из всей массы крестьянства в данной работе особо выделено кулачество как непримиримый классовый враг трудящихся, как главная социальная опора внутренней и внешней контрреволюции. - Что касается среднего крестьянства, то его поведению дана принципиально иная оценка. Этот основной слой деревенского населения, по справедливому утверждению историка, никогда не вступал в антагонистические противоречия с диктатурой пролетариата. Значит, в принципе имелась возможность достигнуть соглашения с середняком. Она определялась как самим ходом гражданской войны, который чем дальше, тем больше разоблачал реакционные намерения врагов Советской власти, так и правильной политикой партии по крестьянскому вопросу. Исходя из произведений

⁹ См.: История гражданской войны. План издания..., с. 12.

¹⁰ Голубев А. Гражданская война 1918—1920 гг. М., 1932; Рабинович С. История гражданской войны. (Краткий очерк). М., 1933.

В. И. Ленина и партийных решений, А. Голубев точно наметил основные этапы борьбы за создание и укрепление союза рабочего класса с трудящимся крестьянством, убедительно доказал огромное значение этого союза для организации эффективной обороны страны.

В соответствии с действием объективных и субъективных факторов автор попытался построить периодизацию истории гражданской войны. Характеризуя основные этапы войны, он учитывал особенности развития социалистической революции, позицию различных общественных классов, в первую очередь крестьянства, роль соответствующих политических партий, форму иностранной интервенции, соотношение военных, экономических и моральных возможностей враждовавших сторон.

Касаясь хода войны на востоке, А. Голубев внес в литературу ряд принципиальных дополнений и уточнений. В частности, он первым из историков обратил внимание на особую опасность чехословацкого мятежа для судеб социалистической революции. Значение антисоветского выступления чехословаков состояло в том, что оно помогло соорганизоваться местной буржуазии и, таким образом, положило начало фактическому объединению внешней и внутренней контрреволюции в непосредственной близости от жизненно важных центров Республики.

Исследователь далее совершенно правильно определил роль Восточного фронта на разных этапах войны, указав, что этот фронт дважды, а именно летом 1918 г. в период чехословацкого мятежа и весной 1919 г., когда здесь развернулось наступление Колчака, представлял для нас наибольшую опасность. Именно нападение восточной контрреволюции вынудило партию приступить к созданию массовой Красной Армии регулярного типа и перестройке всей жизни страны на военный лад.

Развитие боевых действий автор стремится объяснить с марксистских позиций, всесторонне учитывая складывающуюся обстановку и, в первую очередь, конкретное соотношение классовых сил. Например, поражение 3-й армии под Пермью в декабре 1918 г. было вызвано, по его мнению, не только военным и материально-техническим превосходством противника, но и слабостью советского тыла, серьезными колебаниями местного крестьянства, контрреволюционным настроением прибывавших на фронт крестьянских пополнений. Так обстояло дело и в других случаях, когда контрреволюция одерживала крупные успехи. В свою очередь решающая победа Советской власти над белогвардейцами и интервентами также вытекала из ряда социально-экономических политических и моральных факторов; из которых важнейшим являлся окончательный поворот крестьянства на сторону пролетариата и, как следствие этого, укрепление классового единства советского фронта и тыла.

Работе А. Голубева еще недоставало необходимой конкретности и полноты. Ряд вопросов, касающихся практической деятель-

ности партии в области военного, хозяйственного и государственного строительства, создания прочного тыла, укрепления военно-политического союза рабочего класса с крестьянством, руководства революционным движением масс на оккупированной врагом территории, изложен в ней схематично или совсем опущен. Почти ничего не сказано о политике белогвардейцев и интервентов, не проанализированы уроки гражданской войны. Есть и принципиальные ошибки. В частности, при характеристике соотношения сил революции и контрреволюции на востоке к началу войны автор дал неправильную оценку роли рабочего класса Урала, некритически заимствовав эту оценку из литературы 20-х гг. Но, несмотря на существенные недостатки, работа была первым обобщающим исследованием, отразившим более высокий по сравнению с предшествующим периодом уровень развития исторической науки.

Положительный вклад в разработку некоторых важных вопросов истории гражданской войны внес С. Рабинович. Особое внимание в его книге уделено выяснению причин иностранной военной интервенции, разоблачению агрессивной политики империалистов в отношении Советской России. Автор рассматривает интервенцию не только как военное вторжение, но и как пособничество внутренним контрреволюционным силам. С. Рабинович правильно полагал, что, конечно, не все контрреволюционные выступления против Советской власти были делом рук иностранных империалистов. Но без участия последних никакая серьезная гражданская война не могла бы иметь места.

Весьма характерно, что автор обвиняет в развитии гражданской войны правящие круги не только Англии, Франции и Японии, но и Соединенных Штатов Америки. Правда, агрессивная роль американского империализма особо еще не выделяется. Однако даже самая общая постановка данного вопроса являлась уже несомненным достижением советской исторической науки. Другим принципиально важным моментом концепции С. Рабиновича следует считать его попытку рассматривать борьбу советского народа против империалистической агрессии в тесной связи с движением международной пролетарской солидарности. Автор верно отметил, что это движение значительно ослабляло натиск внешних контрреволюционных сил.

В работе С. Рабиновича привлекает правильная, четкая оценка основных фронтов гражданской войны, в том числе и Восточного. Автор считает, что главным фронтом Республики летом 1918 г. являлся именно Восточный фронт. На юге контрреволюция, возглавляемая атаманом Красновым, только еще сколачивала свои силы. А с востока пролетарской революции угрожали хорошо организованные армии интервентов и белогвардейцев. Естественно, что на этот фронт партия бросает лучшие силы. Осенью 1918 г. в связи с наступлением Донской армии Краснова особенно возросло значение Южного фронта. Вторично Восточный фронт становится важнейшим весной 1919 г., когда главная опасность для Советской

власти создавалась со стороны Колчака. Коммунистическая партия снова вынуждена была мобилизовать все свои силы на борьбу с восточной контрреволюцией.

Постановление Центрального Комитета партии издать много томную историю гражданской войны претворялось в жизнь при участии самой широкой общественности. На местах были созданы специальные комитеты и комиссии для содействия изданию из представителей партийных организаций, различных обществ, объединявших ветеранов революции и гражданской войны, научных и архивных учреждений, политорганов Красной Армии. Конкретно их задача заключалась в сборе материалов, привлечении к собирательской и публикаторской работе активных участников событий, массовой пропаганде героических подвигов советских людей в период борьбы с белогвардейцами и интервентами. Такой комитет содействия возник и в Свердловске при истпарте по инициативе Уралобкома ВКП(б). В других крупных городах и заводских поселках Урала организовались соответствующие комиссии.

Истпарту и комитету содействия изданию истории гражданской войны удалось сплотить работоспособный и многочисленный общественный актив, насчитывающий свыше 100 человек.

В 1932—1933 гг. было проведено при участии общественности 23 совещания, на которых обсуждались планы издания литературы, рукописи книг, воспоминаний и другие материалы. С этой же целью предпринимались выезды на места — в Пермь, Лысьву, Нижний Тагил, Кизел, Уфалей, Магнитогорск¹¹.

В 1932 г. журнал «Уральский коммунист», издававшийся обкомом партии, опубликовал статью заместителя заведующего истпартом Ф. Решетова «Создадим большевистскую историю гражданской войны на Урале»¹². Ссылаясь на работы В. И. Ленина, в частности на его знаменитое «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком», автор подчеркивал большое воспитательное значение опыта самоотверженной обороны Урала в 1918—1919 гг. Статья призывала исследователей разоблачить в полной мере преступную политику империалистов и их пособников — меньшевиков и эсеров, показать выдающиеся заслуги Коммунистической партии, ее Центрального Комитета, В. И. Ленина, местных партийных организаций в мобилизации трудящихся на отпор врагу, воссоздать историю формирования и боевого пути частей и соединений Красной Армии. Ф. Решетов сообщал о том, что истпарт совместно с комитетом содействия приступил к работе над трехтомной монографией по истории гражданской войны на Урале.

Эта работа действительно началась. В 1933 г. бригада исследователей в составе Ф. И. Решетова, Г. П. Рычковой, Ф. П. Быстрых, М. И. Алексеева уже трудилась над созданием первого тома, кото-

¹¹ ПАСО, ф. 129, оп. 1, д. 2, л. 77, 78.

¹² См.: Уральский коммунист, 1932, № 8, с. 34—36.

1
рый охватывал период Октябрьской революции и начала гражданской войны. Одновременно велась разработка истории Красной гвардии и наиболее известных частей Красной Армии—Камышловского, Крестьянского коммунистического Красных Орлов, Кизеловского, Верхнекамского полков, отрядов В. К. Блюхера. Сотрудники истпарт Г. П. Рычкова, С. И. Цукерман, Р. М. Рубинштейн, Ф. В. Казакевич, А. П. Шавин под руководством С. С. Моисеева работали над составлением хроники революционных событий. Было просмотрено огромное количество материалов и заполнено около 10 000 карточек¹³. В 1936 г. в основном закончилось составление хроники за 1917 и 1918 гг.

Соответствующая работа проводилась и по линии областного партийного архива. Сотрудники архива начали создавать специальную картотеку документов по истории борьбы за установление и упрочение Советской власти на Урале. Большую помощь исследователям оказывала и библиотека, организованная истпартом с помощью комитета содействия, общественности и ИМЭЛ. На 1 января 1934 г. здесь имелось уже около 7000 книг, брошюр и журналов¹⁴. Истпарт выполнял также отдельные задания главной редакции «Истории гражданской войны». В частности, им были составлены «Даты установления Советской власти по уездным центрам и основным заводам Урала» и подбораны воспоминания участников рейда партизанского отряда В. К. Блюхера¹⁵.

Разработка истории гражданской войны в указанный период осуществлялась на достаточно высоком идейно-теоретическом уровне, в полном соответствии с требованиями марксистско-ленинской методологии. Партийная организация Урала продолжала вести настойчивую борьбу против остатков мелкобуржуазной, в первую очередь троцкистской, идеологии, против аполитичности и объективизма в исторических исследованиях. Еще шире развернулась работа по критическому осмыслению с позиций большевистской партийности печатной продукции, выпущенной местными и центральными издательствами.

Серьезной критике была подвергнута брошюра Т. Д. Корушина «Дни революции и советского строительства в Ишимском округе (1917—1926 гг.)» за то, что автор изобразил борьбу за установление и упрочение Советской власти как стихийный процесс, полностью игнорируя руководящую роль коммунистов¹⁶.

Появилась рецензия на ежемесячный исторический журнал Кунгурского истпарт «Крот», издававшийся в 20-х гг.¹⁷ Как отмечалось в рецензии, редакция журнала проделала весьма полезную работу в деле пропаганды героики гражданской войны. Опубликованные ею воспоминания и другие материалы о борьбе за Совет-

¹³ ПАСО, ф. 129, оп. 1, л. 2, л. 115.

¹⁴ Там же, л. 94.

¹⁵ Там же, л. 117.

¹⁶ ПАСО, ф. 221, оп. 2, л. 131, л. 101—110.

¹⁷ Там же, л. 111—118.

скую власть в деревне, политике колчаковщины, белогвардейском терроре, деятельности большевистского подполья имели большое воспитательное значение, пробуждали среди трудящихся живой интерес к революционному прошлому своего края. Вместе с тем политическое направление журнала не являлось достаточно принципиальным. На его страницах часто печатались материалы эсеровского содержания, которые искажали подлинную историю революционной борьбы.

В 1932—1933 гг. Уралистпарт организовал публичные обсуждения наиболее значительных историко-революционных произведений местных авторов, изданных в 20—начале 30-х гг. При этом главное внимание было обращено на такие моменты, как обоснование в соответствии с ленинским учением объективных и субъективных предпосылок революции, правильное понимание авангардной роли пролетариата во главе с большевиками в руководстве революционным движением трудящихся масс, позиции других общественных классов и политических партий, разоблачение меньшевистско-эсеровских и троцкистских фальсификаторов истории по вопросу о движущих силах, формах и особенностях классовой борьбы на Урале¹⁸. Наиболее острую дискуссию вызвала ошибочная, объективистская трактовка социальной природы уральского рабочего класса, проникшая в литературу 20-х гг. под влиянием мелкобуржуазной идеологии. Участники обсуждений критиковали С. Петрова и, особенно, А. Танеева за то, что они оценивали пролетарское движение с либерально-народнических, антимарксистских позиций, рассматривая уральского рабочего как полурбочего-полукрестьянина, заинтересованного преимущественно лишь в демократическом разрешении аграрного вопроса. Такая трактовка отрицала роль пролетариата как главной движущей силы, гегемона социалистической революции, исключала наличие классовой базы большевизма на Урале.

Критикуя объективистские представления отдельных историков о своеобразном строе уральской промышленности и ее связях с сельским хозяйством, о соотношении в экономике края различных общественных укладов, об имущественных и социальных категориях населения, о характере революционной борьбы и ее движущих силах, участники дискуссий, рецензенты исходили в принципе из правильных теоретических посылок. Но далеко не все смогли конкретизировать свои доводы, подойти к вопросу с исследовательских позиций, привести в доказательство новые статистические и социологические данные.

В целом мероприятия, проведенные на Урале в связи с участием в подготовке издания истории гражданской войны, позволили значительно поднять идейно-теоретический уровень местных кадров историков, улучшить качество научно-исследовательской рабо-

¹⁸ ПАСО, ф. 221, оп. 2, л. 129, л. 168—186; л. 131, л. 119—139; л. 137, л. 66—71; Уральский коммунист, 1932, № 1, с. 102—112; № 8, с. 41.

ты. Это обстоятельство получило положительную оценку со стороны соответствующих органов. В августе 1933 г. дирекция ИМЭЛ заслушала отчет заместителя заведующего Уралистпартом А. Таяева. В принятом по отчету постановлении указывалось, что за последние годы истпарт стал уделять большое внимание вопросам методологии и добился серьезных результатов в деле разоблачения идейных противников марксизма-ленинизма. Вместе с тем дирекция ИМЭЛ отметила и ряд недостатков, обязав руководителей Уралистпарта заниматься в первую очередь историей местных партийных организаций, активнее вовлекать в научно-исследовательскую работу наиболее подготовленных историков-марксистов, расширять связи со старыми коммунистами, с общественными организациями, предприятиями¹⁹.

В соответствии с намеченным планом Уралистпартом было издано через Государственное издательство в Свердловске несколько тематических публикаций по истории гражданской войны²⁰. Ряд книг вышел в других городах Урала²¹.

Большинство упомянутых произведений посвящены одной теме — созданию и боевой деятельности Красной Армии на Урале. Из них следует отметить, прежде всего, монографию Г. Рычковой. Профессиональный историк, в прошлом активный участник гражданской войны Г. П. Рычкова попыталась подвести под свой труд серьезную источниковедческую базу. Помимо опубликованных воспоминаний, документов, статей и очерков, она довольно широко использовала архивные дела Уралистпарта, а также местную периодическую печать.

Рычкова удачно показала роль местных партийных и советских организаций в мобилизации трудящихся на борьбу с вооруженным выступлением белогвардейцев и интервентов. В работе встречаются имена выдающихся военных и политических деятелей, активных организаторов Красной Армии на Урале — И. М. Малышева, С. А. Анучина, Ф. И. Голощекина, П. Д. Хохрякова, Н. Г. Толмачева, Л. И. Вайнера, Р. И. Берзина, В. К. Блюхера, М. В. Васильева и многих других. Автор первым из местных исследователей специально обращается, правда, пока еще недостаточно, к произведениям В. И. Ленина, постановлениям партии и Советского правительства. Это дало возможность правильно разобраться в событиях начального периода гражданской войны.

Среди названных работ по истории Красной Армии особое место занимают воспоминания известного писателя-коммуниста П. П. Бажова, который в годы гражданской войны сражался в ря-

¹⁹ ПАСО, ф. 129, оп. 1, д. 2, л. 90—92.

²⁰ Рычкова Г. Красная гвардия на Урале. Свердловск—М., 1933; Бажов П. Бойцы первого призыва. Свердловск, 1934; Он же. Формирование на ходу. К истории Камышловского 254-го 29 дивизии полка. Свердловск, 1936.

²¹ Гражданская война в Башкирии. Сборник воспоминаний. Уфа, 1932; Недолин И. Рейд Блюхера. Уфа, 1932; Макаров Ф. П. Октябрь и гражданская война в Удмуртии. Ижевск, 1932.

дах 29-й стрелковой дивизии. Воспоминания представляют собой историко-литературные очерки о боевых делах двух наиболее прославленных соединений Красной Армии на Урале — Камышловского полка и Крестьянского коммунистического полка Красных Орлов. Автор воспользовался не только личными материалами и воспоминаниями, но и статистикой, газетами, документами местного партийного архива и Центрального архива Красной Армии.

Камышловский и, в первую очередь, Крестьянский коммунистический полки формировались преимущественно из деревенских низов — бедняков, батраков и маломощных середняков. Но организационным ядром этих полков послужили добровольческие рабочие дружины из Камышлова, Шадринска, Ирбитского и Каменского заводов. Они-то и придали крестьянской массе особую стойкость, политически просветили ее, приучили к железной пролетарской дисциплине.

Воспоминания содержат ценные фактические сведения о ходе войны на Среднем Урале, который обороняли части 29-й дивизии. Прослеживая шаг за шагом славный боевой путь названных полков, автор показывает их выдающуюся роль в проведении крупнейших оборонительно-наступательных операций советских войск в Егоршинском и Кушвинском районах и далее по линии горнозаводской железной дороги до Перми и Глазова. Ему удалось правдиво передать огромную напряженность и драматизм развернувшейся борьбы, воспроизвести в деталях массу ярких эпизодов, назвать имена бойцов и командиров, совершивших героические подвиги, отдавших свою жизнь за торжество идей революции.

Из многих примеров высокого патриотизма и революционной доблести Красной Армии, которыми изобилует история гражданской войны на Урале, особое внимание исследователей привлекал легендарный поход по тылам белых отрядов В. К. Блюхера. Впервые эта тема была затронута в воспоминаниях участника похода М. Голубых «Уральские партизаны», изданных в Екатеринбурге в 1924 г.²² Автор показал процесс организации отрядов, установив маршрут их следования, дал описание наиболее крупных сражений, очертил образы некоторых командиров, в частности Блюхера, братьев Кашириных, Томина, Русяева, Калмыкова, Пирожникова, Баранова, Константинова, Кононова. Однако он не смог связать все это с общим ходом гражданской войны на Урале и, главное, раскрыть классовое содержание описываемых событий.

Среди публикаций, изданных на Урале в начале 30-х гг. в связи с постановлением ЦК ВКП(б) от 30 июля, непосредственное отношение к данной теме имеет сборник воспоминаний «Гражданская война в Башкирии», который был подготовлен истпартком

²² В 1927 г. Государственное издательство опубликовало историческую повесть М. Голубых на ту же тему. В 1930 г. в Свердловске вышло второе сокращенное издание книги «Уральские партизаны» с подзаголовком «Поход партизанского отряда В. Блюхера — Н. Каширина в 1918 г.».

Башкирского обкома партии совместно с областной комиссией по изучению истории гражданской войны. Один из наиболее содержательных разделов сборника посвящен походу отрядов Блюхера. Большой интерес представляет помещенная здесь «Краткая история Белорецкого полка», написанная его бывшим адъютантом Обуховым. Автор нарисовал в общем вполне достоверную картину активного участия белорецких рабочих, руководимых партийной организацией во главе с П. В. Точисским, а также рабочих Тирлянского, Узянского, Качинского, Авзяно-Петровского заводов в формировании добровольческих отрядов Красной Армии, обороне Южного Урала от белогвардейцев и мятежных чехословаков. Рассказывая историю полка, Обухов касается и действия Южноуральского партизанского отряда в целом. Он подчеркивает крепкую классовую сплоченность и высокую политическую сознательность блюхеровцев.

Кроме Обухова, с воспоминаниями о походе выступили Д. Ипатов и Н. Михеев. Они описали борьбу рабочих, революционных солдат и беднейших крестьян за власть Советов в районе Архангельского и Богоявленского заводов. Отсюда, как говорится в воспоминаниях, В. К. Блюхер получил во время своего следования на соединение с Красной Армией значительные пополнения людьми, много всякого вооружения, боеприпасов, обмундирования. Из этих пополнений в составе Южноуральского отряда были сформированы затем Архангельский и Богоявленский пехотные полки, кроме того конные части.

Сведения о блюхеровском рейде заметно расширились с выходом в Уфе брошюры И. Недолина, также приуроченной к кампании по созданию многотомной истории гражданской войны. Написана она на основе хронологических записей в дневнике (автор был участником рейда, одно время командовал Стерлитамакским отрядом). Хотя брошюра и не является исследованием в точном понимании этого слова, но имеющийся в ней материал достоверен и хорошо осмыслен. Можно указать несколько положительных моментов, характеризующих ее содержание. Во-первых, теоретически правильная оценка событий, связанных с историей образования партизанского соединения В. К. Блюхера. И. Недолин представляет себе эти события, как проявление ожесточенной классовой борьбы, которая развернулась на Южном Урале летом и осенью 1918 г., когда на стороне Советской власти выступили с оружием в руках широкие массы рабочего класса, беднейшего крестьянства и трудового казачества.

Конкретное участие трудящихся в борьбе с контрреволюцией показано, в частности, на примере создания и боевой деятельности Стерлитамакского отряда, в котором воевал автор. Достоинство брошюры состоит, во-вторых, в том, что она подчеркивает не только классовый, но и национальный, а также интернациональный характер гражданской войны на Южном Урале. Приведенные в ней факты полностью опровергают утверждение буржуазно-на-

ционалистических историков, будто бы нерусские народности Урала не поддержали Советской власти. Как видно из них, в отряде Блюхера вместе с русскими сражалось немало башкир, чувашей, черемисов, татар и т. д. В-третьих, брошюра содержит конкретный материал о ходе самого рейда. Правда, описание боевых действий, по признанию автора, дано несколько схематично и ограничено главным образом пределами Башкирии. Но наиболее крупные сражения на Уфимском направлении воспроизведены довольно подробно. Конкретными и исторически верными являются характеристики командующего отрядом В. К. Блюхера и его ближайших соратников.

Развитие исторической науки на Урале в первой половине 30-х гг. характеризуется повышенным интересом исследователей к истории Октябрьской революции и гражданской войны в национальных районах края.

Помимо рейда Южноуральского партизанского отряда, в сборнике Башкирского истпарта нашли отражение и другие события, происходившие в Башкирии во время войны. В воспоминаниях участников рассказывается о боевых действиях советских отрядов против чехословаков, формировании добровольческих рабочих и крестьянских дружин, борьбе с кулацко-эсеровскими мятежами в тылу. Особенно интересна история отряда, которым командовал прославленный герой гражданской войны А. Чеверов. Бывшие бойцы отряда З. Шарипов и П. Санчук вспоминают, что отряд состоял в основном из рабочих, деревенской бедноты и батраков Уфимского и Бирского уездов. Кроме того, в него влились добровольцы, прибывшие из Петрограда и Москвы. Отряд А. Чеверева успешно сражался с чехословаками и кулацко-белогвардейскими бандами на территории Башкирии, а в августе 1918 г. был переброшен на подавление меньшевистского мятежа в Ижевском заводе и преобразован в Сводный полк 28-й дивизии 2-й армии.

Серьезному исследованию подверглась история Октябрьской революции и гражданской войны в Удмуртии. Посвященная этой теме монография Ф. П. Макарова является наиболее содержательным и теоретически зрелым произведением исторической литературы 30-х гг. Бросается в глаза весьма широкий круг источников и литературы, использованных автором. Им были изучены документы областного архива Удмуртии, местного истпарта, Центрального архива Октябрьской революции, разнообразные статистические сборники, опубликованные документальные материалы, воспоминания, газеты, выходившие до революции и издававшиеся местными Советами, а также политотделами Красной Армии, журналы, всевозможные белогвардейские материалы, работы советских военных историков и т. д. Он неоднократно ссылается на произведения В. И. Ленина, часто цитирует постановления Коммунистической партии и правительства. Это позволило насытить исследование конкретными фактами, рассмотреть на научной осно-

ве некоторые важные социально-экономические, политические и военные проблемы войны.

Факты свидетельствуют о том, что удмуртская деревня накануне Октября переживала глубокую классовую дифференциацию, что она располагала достаточно мощными революционными резервами в лице пролетарских и полупролетарских слоев трудящегося населения. Вместе с тем позиции национальной буржуазии были здесь также довольно сильными. Она старалась держать в зависимости массы беднейшего и среднего крестьянства, используя для этого не только свои очевидные экономические преимущества, но и остатки феодально-родовой организации.

По словам Ф. П. Макарова, острота классовых противоречий в Удмуртии усугублялась тем, что трудящиеся страдали здесь от двойного гнета. С одной стороны, их угнетала и беспощадно эксплуатировала царская помещичье-феодальная клика, а с другой — собственная буржуазия: кулаки, торговцы, скупщики, лесопромышленники. Автор решительно критикует буржуазно-националистических историков, которые утверждали, будто бы в удмуртской деревне испокон веков царил социальный мир и она никогда не знала ни богачей, ни бедняков.

Как известно, борьба за Советскую власть в Удмуртии протекала при очень сложном соотношении классовых сил и политических партий. Она характеризовалась не только серьезными колебаниями в сторону контрреволюции крестьянских масс, которые находились под сильным влиянием национальной буржуазии, но и недостаточной активностью рабочего класса. Более того, именно Ижевско-Воткинский промышленный район стал организационным и политическим центром мощного антисоветского движения, охватившего Прикамье в самый разгар гражданской войны и сильно затруднившего положение советских войск на левом фланге Восточного фронта. Ф. П. Макаров пытается дать этому правильное научное объяснение.

Анализируя социальный состав населения Ижевского и Воткинского заводов, автор впервые в литературе отметил наличие там значительного слоя востательных рабочих — своеобразной «рабочей аристократии». К ним примыкали многочисленные выходцы из зажиточного крестьянства Вятской губернии, которыми пополнялся состав заводских рабочих за годы империалистической войны. По подсчетам Ф. П. Макарова, мелкобуржуазные элементы составляли около 60% всех рабочих²³. Они-то и явились социальной опорой меньшевиков и эсеров, главной движущей силой контрреволюционного мятежа.

В числе других причин, которые вызвали временное свержение Советской власти в заводах, Ф. П. Макаров называет активизацию контрреволюционных сил в окрестных деревнях, антисоветские настроения среднего крестьянства. Борьба с кулачеством, которое

²³ Макаров Ф. П. Октябрь и гражданская война в Удмуртии, с. 67.

и без того было весьма сильным и влиятельным противником Советов, осложнилась рядом крупных ошибок, допущенных на местах в решении аграрного и национального вопросов, в проведении налоговой политики.

Ф. П. Макаров попытался конкретно проанализировать опыт белогвардейщины, показать его влияние на расстановку классовых сил и политических партий. Он привел весьма убедительные документы, характеризующие реакционную деятельность так называемого временного прикамского комитета членов Учредительного собрания, который был образован меньшевиками и эсерами после свержения Советской власти в Ижевско-Воткинском районе. Эта деятельность выразилась в разгоне и запрещении революционных организаций трудящихся, возвращении национализированных предприятий и имущества прежним владельцам; увеличении продолжительности рабочего дня, отмене отпусков, выходных и праздничных дней; аннулировании твердых цен на хлеб и восстановлении свободной торговли; введении военной и других повинностей; санкционировании массового белогвардейского террора, направленного против большевиков и передовых рабочих, против сторонников Советской власти.

Разгул контрреволюции, естественно, вызвал противодействие со стороны рабочего класса и трудящегося крестьянства, объективно способствовал росту большевистских настроений и дискредитации политики соглашательства. Это облегчило восстановление Советской власти в Прикамье. Ф. П. Макаров коротко касается мероприятий советского командования по разгрому мятежа, показывает выдающиеся заслуги 2-й армии, в особенности Сводной дивизии Азина в освобождении Ижевского и Воткинского заводов.

К сожалению, автор не во всем разобрался до конца. Так, содержащаяся в книге характеристика соотношения классовых сил в Удмуртии накануне и в период социалистической революции хотя и верно показывает основные тенденции этого процесса, но все же не является достаточно полной. Что касается имущественной и социальной дифференциации удмуртского крестьянства, то она подтверждена статистическими данными, относящимися к началу XX в. Такие данные не могли в полной мере отражать действительного положения вещей, ибо не учитывали тех важных социально-экономических сдвигов, которые произошли в деревне в результате столыпинской аграрной реформы и империалистической войны.

Несмотря на имеющиеся недостатки, книга Ф. П. Макарова знаменовала собой крупный шаг вперед в развитии историографии темы, поскольку нацеливала историков на объективное, конкретное изучение некоторых чрезвычайно сложных и противоречивых явлений гражданской войны. Вместе с тем она свидетельствовала о необходимости более глубокого овладения марксистско-ленинской методологией, расширения проблематики и источниковедческой базы исследования.

Дальнейшее исследование военных и политических проблем истории вооруженной борьбы с контрреволюцией на Восточном фронте

В конце 30—40-х гг. была издана целая серия военно-исторических произведений, обобщивших опыт борьбы с контрреволюцией в восточных районах страны. Некоторые из них являются значительными монографическими исследованиями. Они базируются на большом фактическом материале, извлеченном главным образом из фондов Центрального архива Красной Армии. Особенно выделяется своей фундаментальностью книга профессора Ф. Огородникова²⁴.

Изучив обширную военную документацию — оперативные сводки, телеграммы, приказы, донесения и т. д., автор сумел самым детальным образом проследить ход боевых операций на Восточном фронте начиная с зимней кампании 1918—1919 гг. и кончая контрнаступлением советских войск весной 1919 г. В книге обстоятельно анализируются оперативные и тактические планы сторон, боевое расположение, состав, численность и вооружение армий, географические особенности театра военных действий, состояние тыла.

Наиболее подробно описаны сражения под Бугульмой, Бугурусланом и Белебеем, в которых советские войска Южной группы под командованием М. В. Фрунзе нанесли сокрушительное поражение колчаковским армиям. Разбор каждой крупной операции автор завершает выводами, где дается оценка достигнутых военно-тактических результатов.

Ф. Огородников ограничился исследованием исключительно боевых действий, почти полностью опустив социально-экономические и политические аспекты истории борьбы с Колчаком. В книге нет имен непосредственных участников событий, нет описания наиболее ярких эпизодов, выдающихся боевых подвигов отдельных красноармейцев, командиров и комиссаров. Там фигурирует безликая масса войск, обозначенная лишь номерами армий, дивизий, корпусов, полков.

Приблизительно в аналогичном плане написаны и другие работы о событиях на Восточном фронте, опубликованные в указанное время военным издательством²⁵. Правда, некоторые военные историки, в частности А. Федоров и Е. А. Болтин, попытались показать ход боевых действий на более широком историческом фоне, затронуть, помимо вопросов оперативно-тактического руководства войсками, общие социальные и политические проблемы.

Обращает на себя внимание тот факт, что в указанных работах начальный период борьбы с контрреволюцией на Восточном фронте

²⁴ Огородников Ф. Удар по Колчаку. М., 1938.

²⁵ Воробьев В. Ф. Оборона Оренбурга (апрель — май 1919 г.). М., 1938; Федоров А. Пермская катастрофа и контрнаступление Восточного фронта. М., 1939; Хрулев В. В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М., 1940; Болтин Е. А. Контрнаступление Южной группы Восточного фронта и разгром Колчака (1919). М., 1949.

те освещен очень слабо. Популярная брошюра В. В. Хрулева «Чехословацкий мятеж и его ликвидация» внесла мало нового в имеющуюся литературу. В брошюре в основном описывается борьба с белочехами в районе Поволжья. Уралу посвящен небольшой раздел «Действия Челябинской группы чехословаков под командованием Войцеховского».

Брошюра совершенно не касается событий на Среднем Урале, где белогвардейские войска при самом активном, а иногда и решающем участии чехословацкого корпуса вели в течение лета и осени 1918 г. упорную борьбу с частями 3-й советской армии. Не поставлен в ней вопрос и о политическом сотрудничестве мятежников с мелкобуржуазными партиями меньшевиков и эсеров в деле ликвидации завоеваний социалистической революции в оккупированных районах Поволжья, Урала, Сибири. Автор не сумел конкретно отобразить процесс организационного и идейного сплочения революционных сил под руководством Коммунистической партии, а также проанализировать уроки чехословацкого мятежа. Его работе присущи и другие общие недостатки, свойственные литературе того времени.

Сведения о ходе борьбы за Урал до установления колчаковской диктатуры содержатся в первой главе книги А. Федорова «Пермская катастрофа и контрнаступление Восточного фронта». Глава представляет собой краткий обзор боевых операций на фронте 2-й и 3-й армий в октябре — ноябре 1918 г. В заключение отмечены некоторые факторы, которые затрудняли положение наших армий. Это сильная растянутость коммуникаций, огромные потери, недостаток резервов, неудовлетворительное снабжение, наконец, слабое руководство войсками со стороны армейского командования. Однако, подчеркивает А. Федоров, белогвардейцы не смогли как следует использовать эти факторы, а также свое полуторное численное превосходство. Благодаря героическому сопротивлению 3-й армии их наступление на Пермском направлении было приостановлено.

Широко используя материалы центральных архивов Красной Армии и Октябрьской революции, Федоров попытался воспроизвести последовательный ход боевых действий на Пермском направлении с конца ноября 1918 г., когда началось решительное наступление белогвардейских полчищ. По его мнению, стратегический замысел Колчака заключался в том, чтобы основными силами, наступавшими из района Екатеринбурга, разгромить 3-ю армию и прорваться к Перми, а на остальных участках фронта лишь сдерживать активность советских войск. Пермское направление приобретало, таким образом, первостепенное значение; и Восточный фронт становился главным фронтом гражданской войны. Это ошибочное утверждение противоречило объективным фактам и явилось шагом назад по сравнению с правильной в основном оценкой военного положения Республики зимой 1918—1919 гг., которая содержалась в более ранней литературе.

Автор постарался передать огромную напряженность заключительных боев за Пермь, которые развернулись главным образом на фронте 29-й дивизии и Особой бригады 3-й армии. В книге справедливо отмечено стойкое сопротивление советских войск, в особенности Камышловского, Крестьянского коммунистического, 17-го Петроградского, Путиловского кавалерийского, Рабоче-Крестьянского и 4-го Уральского полков.

Неудачный исход всей операции, оставление советскими войсками Кушвы, Лысьвы, Кунгура и, наконец, Перми автор связывает с теми отрицательными факторами, которые дали себя знать еще осенью 1918 г. Сказались, прежде всего невосполнимые потери, нанесенные противником 3-й армии, в особенности 29-й дивизии и Особой бригаде, в ходе непрерывных и изнурительных боев, и отсутствие необходимых резервов. Боеспособность наших войск еще более снизилась в результате негодной постановки дела снабжения и слабой партийно-политической работы. Немаловажную роль сыграли и такие недостатки, как плохая организация разведывательной службы, низкая маневренность войск в связи с отсутствием специальных подразделений лыжников, которые, кстати, имелись у белых, неудовлетворительное руководство дивизиями, армиями, фронтом.

Главную вину за поражение 3-й армии А. Федоров возлагает на Троцкого и его ставленников. Троцкий все время добивался будто бы ослабления Восточного фронта. По его распоряжениям отсюда было снято и переброшено на Западный и Южный фронты всего 7163 штыка и 240 сабель²⁶.

Между тем В. И. Ленин, подчеркивает автор, неоднократно давал указания командованию относительно помощи Перми. Однако, главным, командующие фронтом и армиями, поддерживавшие предателя Троцкого, пренебрегали этими указаниями. Троцкисты, якобы, умышленно лишили 3-ю армию резервов и пополнений, сорвали правильное взаимодействие ее со 2-й армией, развалили работу органов снабжения и партийно-политического аппарата, насадили в штабах белогвардейскую агентуру, истребили преданных партии командиров и политработников.

Таким рисовался А. Федорову и другим исследователям ход событий, предшествовавших прибытию в Вятку Сталина и Дзержинского. Под их руководством была проделана действительно большая работа по восстановлению боеспособности советских войск на левом фланге Восточного фронта и укреплению ближайшего тыла. Эта работа нашла отражение в известном «Отчете Комиссии ЦК партии и Совета Обороны товарищу Ленину о причинах падения Перми в декабре 1918 г.». Касаясь причин «пермской катастрофы» — так названа в отчете неудачная оборона Перми, — Сталин и Дзержинский указали на целый ряд крупных недо-

²⁶ Федоров А. Пермская катастрофа и контрнаступление Восточного фронта, с. 83.

статков в комплектовании, снабжении, обучении и политическом просвещении 3-й армии, а также в деятельности местных партийных, советских и военных организаций. Отчет содержал рекомендации относительно подготовки достаточного количества надежных резервов, укрепления организационного, оперативного и политического руководства войсками, налаживания работы военно-хозяйственных органов, перестройки партийно-советского аппарата в тылу, исполнения на местах постановлений и распоряжений центральной власти. Однако все эти факты получили в литературе неправильную оценку. Главная заслуга в деле ликвидации последствий поражения под Пермью и организации дальнейшей борьбы с колчаковщиной была приписана Сталину. Роль Центрального Комитета партии, советского командования и особенно Уральского обкома РКП(б) оказалась приниженной или вовсе свелась на нет.

Исследователи объяснили ход и исход гражданской войны с чисто субъективистских позиций, тщательно обходя все острые социальные и политические проблемы. В связи с этим процесс формирования классовой базы контрреволюции, например, в восточных районах страны понимался довольно упрощенно. Следуя концепции «Краткого курса истории ВКП(б)», авторы упомянутых работ о борьбе с мятежом чехословацкого корпуса и колчаковщиной изображали главной движущей силой гражданской войны иностранный капитал. Внутренняя контрреволюция в лице буржуазии, помещиков и их политических партий рассматривалась ими как агентура империалистов Антанты. Вопрос об участии в войне мелкобуржуазных масс, прежде всего среднего крестьянства, ставился догматически. В чем заключались объективные и субъективные причины колебаний середняка? Почему раньше, в период триумфального шествия Советской власти, контрреволюция не смогла найти в деревне сколько-нибудь прочной для себя опоры? Какие качественные изменения в развитии революции, наметившиеся весной и летом 1918 г., повлияли на позицию крестьянства и вызвали новую, неблагоприятную для Советской власти расстановку классовых сил? Наконец, почему именно на Урале и в Сибири обнаружились наиболее серьезные и длительные колебания мелкобуржуазных масс? На все эти вопросы литература того времени ответа не давала.

В литературе сложилось неправильное представление и о времени окончательного размежевания сил революции и контрреволюции в результате уроков белогвардейщины. Называлась осень 1918 г. Применительно к восточным и некоторым другим районам страны, где особенно сильно была капиталистическая прослойка крестьянства, это не соответствовало действительности. Ленин прямо указывал, что диктатура пролетариата не понравилась зажиточному крестьянству, которое располагало большими излишками хлеба. Когда большевики стали добиваться передачи этих излишков государству по твердым ценам, крестьяне Урала и Сибири повернули к Колчаку. Именно этим обстоятельством прежде

всего объясняется неустойчивость крестьянского тыла на Урале и поражение советских войск под Пермью в декабре 1918 г. Именно в этом заключалась главная причина и последующих военных успехов Колчака, которому удалось на первых порах привлечь на свою сторону мелкобуржуазные слои деревенского населения и с их помощью сформировать 400-тысячную армию. Перевес наших сил в деревнях Урала и Сибири, как указывалось выше, наметился гораздо позже, приблизительно летом 1919 г. Тогда середняк уже достаточно хорошо узнал настоящую правду о Колчаке и всей массой поднялся на борьбу за восстановление Советской власти.

Несмотря на субъективистские ошибки, литература по истории гражданской войны пополнилась ценными монографическими исследованиями. Конкретному изучению подверглась история создания Красной Армии. Посвященная этой теме монография военного историка Н. И. Шатагина насыщена интереснейшим фактическим материалом²⁷. Автор правильно подметил особенности военного строительства на разных этапах войны, конкретно исследовал процесс перехода от добровольческих формирований трудящихся к массовой армии регулярного типа.

В книге уделено достаточно внимания истории борьбы с контрреволюцией в восточных районах страны. Впервые были введены в научный оборот факты, конкретно характеризующие постоянную заботу Коммунистической партии и Советского правительства об укреплении армий Восточного фронта.

Важный вклад в изучение данной темы внесла монография Ю. П. Петрова о создании партийно-политического аппарата Красной Армии в годы гражданской войны²⁸. Впервые в литературе эта важнейшая сторона военного строительства получила специальное освещение.

Наиболее содержательным является раздел о возникновении и деятельности партийных организаций в регулярных частях Красной Армии. Он целиком написан на архивных документах и материалах периодической печати. Ю. П. Петров приводит интересные примеры того, как создавались партийные ячейки на фронте, в запасных частях и гарнизонах, каковы были их функции, структура и численность, какую роль в организационном сплочении и политическом просвещении армии сыграли коммунисты Москвы, Петрограда и других крупных промышленных центров. Автор правильно подчеркивает, что Коммунистическая партия придавала исключительно важное значение делу укрепления своего влияния в войсках. Он впервые публикует, правда, без указания даты, небольшую выдержку из постановления ЦК РКП(б) от 29 июля 1918 г. в связи с положением на Восточном фронте, где говорилось о необ-

²⁷ Шатагин Н. И. Организация и строительство Советской Армии в 1918—1920 гг. М., 1954.

²⁸ Петров Ю. П. Строительство партийно-политического аппарата Советской Армии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.). М., 1952.

ходимости создания во всех без исключения войсковых частях на фронте и в тылу партийных ячеек. В соответствии с постановлением была проведена первая массовая мобилизация коммунистов, которая дала возможность развернуть партийное строительство в армии.

Ю. П. Петров сделал ряд верных замечаний относительно особенностей партийного строительства в армиях Восточного фронта и внес одну весьма существенную поправку в господствующую концепцию гражданской войны. По словам автора, партийные организации на этом фронте возникли раньше, чем на других фронтах. Это объяснялось тем, что сам фронт организационно оформился первым. Кроме того, партия посылала сюда свои лучшие, наиболее опытные и инициативные кадры, поскольку рассматривала Восточный фронт «как решающий и основной для судьбы пролетарского государства»²⁹. Таким образом, значение Восточного фронта в начальный период войны получило правильную оценку.

В книге освещена также история создания политотделов. Автор пишет, что наиболее целесообразные формы политического руководства армией выработались не сразу. Первоначально деятельностью армейских партийных организаций руководили местные комитеты РКП(б). Но в обстановке боевых действий они зачастую не справлялись со своими обязанностями, теряли связь с частями. Тогда решено было на ряде фронтов создать комитеты соединений — армейские, дивизионные, полковые, избираемые соответствующими партийными конференциями.

Такие комитеты возникли, в частности, почти во всех армиях и дивизиях Восточного фронта. Наряду с ними стали создаваться армейские и дивизионные политотделы. Эта форма политического руководства войсками впервые доказала свою целесообразность опять-таки на Восточном фронте. Значение политотделов как наиболее действенных проводников политики партии в области строительства Советских Вооруженных Сил заключалось в том, что они, с одной стороны, являлись военно-административным аппаратом, а с другой — партийным органом, объединяющим армейских коммунистов.

Автор касается и такой важной составной части партийно-политического аппарата армии, как институт военных комиссаров. Он правильно определил назначение этого института, который был призван осуществлять бдительный контроль партии и Советского правительства за деятельностью старых военных специалистов, а также способствовать организационному укреплению и политическому просвещению армии. Таким образом, Ю. П. Петров на основе изучения архивных первоисточников попытался обобщить

²⁹ Петров Ю. П. Строительство партийно-политического аппарата Советской Армии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.), с. 98.

исторический опыт строительства партийно-политического аппарата, показать сущность, формы и методы партийного руководства армией в годы гражданской войны. Однако практическая деятельность мобилизованных коммунистов по укреплению и политическому воспитанию армии, в особенности огромное моральное значение их личного примера в бою, остались нераскрытыми. С другой стороны, в книге чрезмерно преувеличены заслуги Сталина в создании партийно-политического аппарата, в осуществлении политики партии в области военного строительства вообще.

Одним из наиболее важных достижений историков в рассматриваемый период является основательное изучение международного аспекта истории гражданской войны, прежде всего причин, характера и последствий иностранной военной интервенции. Этой проблеме были посвящены опубликованные в 50-х гг. работы А. Е. Куниной, А. Березкина, Ф. Д. Волкова и других авторов³⁰. Изучение проблемы велось на серьезной научной основе, т. е. на основе подлинных фактов и марксистско-ленинской методологии. В научный оборот вошло большое количество архивных фондов, советских и зарубежных периодических изданий, мемуаров, газет, документальных сборников, общей и специальной литературы. В результате была заполнена еще одна яркая страница в кровавой истории мирового империализма.

Неопровержимые факты, обнародованные советскими историками, звучат суровым обвинением империалистической политике агрессии и разбоя. Эти факты свидетельствуют о том, что с первых дней победы Октябрьской революции империалисты США, Англии, Франции вмешивались во внутренние дела нашего государства с целью вооруженного свержения первой в мире власти рабочих и крестьян. Они вступили в военный, политический и экономический союз с эксплуататорскими классами старой России. Они помогли сорганизоваться контрреволюционным силам, снабдили их денежными средствами, оружием, обмундированием и продовольствием. Вместе с белогвардейцами они оккупировали богатейшие и обширнейшие районы страны, закалили многих советских людей, установили режим террора, грабежа и насилий.

Оккупационные войска Англии, США, Японии и Франции, насчитывавшие к началу 1919 г. около 200 тыс. человек, несли охранную и карательную службу в тылу колчаковских армий. Помощь интервентов дала возможность Колчаку сформировать огромную армию, численность которой вместе с резервами составила более 870 тыс. солдат и офицеров.

³⁰ Кунина А. Е. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1918—1920 гг. М., 1951; Березкин А. США — активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918—1920 гг.). М., 1952; Гулыга А., Геронимус А. Крах антисоветской интервенции в США в 1918—1920 гг. М., 1952; Волков Ф. Д. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства (1917—1924 гг.). М., 1954.

Наряду с разоблачением агрессоров наши исследователи подняли еще одну важную тему, связанную с международными отношениями периода гражданской войны. Это — миролюбивая политика Советского государства, ленинская политика мирного сосуществования стран с различными социальными системами. Факт тот, что на протяжении всей войны Советское правительство упорно и систематически добивалось мирного урегулирования спорных вопросов, прекращения кровопролития, установления деловых отношений с капиталистическими державами. Однако эта миролюбивая политика всякий раз наталкивалась на глухую стену враждебности. Империалисты не хотели мира с Советской Россией и делали все для того, чтобы уничтожить ее. Борьба двух противоположных линий в области внешней политики военных лет получила в нашей литературе достаточно полное и объективное освещение. В своих мирных усилиях, как это правильно отмечалось в литературе, мы не были одинокими. Справедливая политика Советского государства нашла тогда горячую поддержку среди народных масс за рубежом. На антисоветскую интервенцию трудящиеся капиталистических стран отвечали мощным движением протеста, которое мешало осуществлению захватнических планов в отношении нашей страны.

Постановка всех этих вопросов имела большое политическое значение. Поведав человечеству истинную правду о тягчайших преступлениях международного империализма на советской земле, историки внесли полезный вклад в общее дело борьбы народов за упрочение мира.

В изучении военно-исторической тематики на местах были достигнуты весьма скромные результаты.

В 1937 г. в Свердловске вышла популярная брошюра Ю. Бессонова «На фронте и в тылу», посвященная участию рабочих Верх-Исетского завода в борьбе с контрреволюцией³¹. Автор рассказал немало интересного о боевых делах местной рабочей молодежи, самоотверженно сражавшейся за Советскую власть с дубовскими бандами, белочехами и колчаковцами, о тяжелой жизни трудящихся под властью белогвардейских оккупантов, о разгроме Колчака и освобождении завода частями Красной Армии.

К брошюре Ю. Бессонова близко примыкают по тематике воспоминания бывшего визовского красногвардейца А. И. Медведева, выпущенные Свердловским областным издательством в 1939 г.³² Они, как видно из подзаголовка, воспроизводят историю известного боевыми традициями полка имени Малышева.

Начало полку положила партийная дружина екатеринбургских коммунистов, которую сформировал Уральский обком партии

³¹ Бессонов Ю. На фронте и в тылу. Рабочие Верх-Исетского завода в 1918—1920 гг. Свердловск, 1937.

³² Медведев А. По долинам и по взгорьям. Боевые походы Краснознаменного полка им. Малышева. Свердловск, 1939.

в период борьбы с дутовщиной. В июле 1918 г. дружина была пополнена рабочими Березовского, Ревдинского и Билимбаевского заводов и реорганизована в I Образцовый батальон Уральского областного комитета РКП(б). В состав его вошел и красногвардейский отряд рабочих Верх-Исетского завода под командованием П. З. Ермакова. За боевые заслуги батальону было присвоено имя И. М. Малышева. В тяжелых боях под станцией Кузино, а затем под Кунгуром батальон понес большие потери. Тогда обком РКП(б) объявил новую запись добровольцев. Значительные пополнения выделили пермские железнодорожники, кизеловские горняки, рабочие многих предприятий Среднего и Северного Урала. Это дало возможность реорганизовать батальон имени Малышева в регулярный полк Красной Армии того же наименования.

Двадцатилетний юбилей с момента освобождения Урала от белогвардейских оккупантов ознаменовался выходом ряда книг. Одна из них — подготовленный истпартом сборник статей «Разгром колчаковщины на Урале»³³.

Сборник открывается весьма содержательной общей статьей Р. Рубинштейн, Г. Рычковой и В. Солдатова «Колчаковщина на Урале». Несомненный интерес представляют некоторые цифры и факты о жизни трудящихся при Колчаке, взятые из материалов истпарта и фондов областного партийного архива. Авторы убедительно показали, что вся социальная и экономическая политика Колчака была направлена на реставрацию буржуазно-помещичьего строя, на закабаление рабочего класса и крестьянства.

В отличие от своих предшественников, авторы статьи более глубоко и обстоятельно изучили положение трудящихся масс под властью оккупантов. Особенно большое впечатление производит ярко написанная картина чудовищного белогвардейского террора, жертвой которого стали десятки тысяч советских людей. Авторы правильно отметили, что волна экономических притеснений и политических репрессий обрушилась не только на рабочий класс, но и на трудящееся крестьянство. «Это привело,—говорится в статье,— к резкому повороту широких масс среднего крестьянства в сторону Советской власти, укреплению союза рабочего класса и крестьянства и полному разложению колчаковской армии»³⁴. Вывод верный и полностью обоснованный.

Обращает на себя внимание и статья «Большевистское подполье на Урале», написанная Р. Рубинштейн. Статья хорошо аргументирована, насыщена фактическим материалом и в общем правильно трактует проблему. Автор рассказывает, как под влиянием уроков колчаковщины шел процесс революционизирования масс, некогда колебавшихся между диктатурой пролетариата и диктатурой буржуазии.

³³ Разгром колчаковщины на Урале. Свердловск, 1939.

³⁴ Там же, с. 22.

Р. Рубинштейн в какой-то мере отошла от схематизма и декларативности, свойственных литературе того периода. Она постаралась конкретно показать руководящую роль партии в борьбе с белогвардейскими оккупантами. Приведенные ею факты свидетельствуют о том, что на оккупированном белогвардейцами Урале была создана довольно широкая сеть подпольных большевистских ячеек. Р. Рубинштейн правильно подчеркнула роль Центрального Комитета партии, Я. М. Свердлова в руководстве большевистским подпольем на Урале и в Сибири. Это руководство осуществлялось через Сибирское бюро ЦК РКП(б), куда входили Ф. Голошекин, М. Рабинович, А. Масленников. Подпольные организации получали из центра нужные указания, а также оружие, деньги, типографское оборудование, литературу и опытных руководителей.

Вторым юбилейным изданием был сборник документов, опубликованный Удмуртским научно-исследовательским институтом истории, языка и фольклора³⁵. Эта небольшая публикация (в ней всего 46 документов) освещала лишь отдельные, произвольно выбранные события войны на территории Удмуртии.

Некоторые документы и материалы, помещенные в сборнике, сами по себе представляют известный интерес. К их числу относится, например, историческая справка о боевом пути Путиловского кавалерийского полка 3-й армии, который принимал активное участие в боях с колчаковцами на подступах к Вятке в апреле 1919 г. Привлекает внимание также ряд приказов по войскам 2-й армии, характеризующих героизм командиров 28-й дивизии Азина, Чеверева и политического комиссара Аронштама. Весьма содержательна составленная на основе архивных материалов Сарапульского райкома ВКП(б) справка о последствиях колчаковщины в Удмуртии.

Более содержательным является другой местный сборник - «Гражданская война в Оренбургском крае», составленный А. Борисовым и изданный в Оренбурге к двадцатилетней годовщине разгрома колчаковщины³⁶.

В сборник вошли воспоминания участников войны, исторические очерки и статьи, отдельные документы. Они посвящены деятельности Оренбургской большевистской организации в период установления и упрочения Советской власти. С познавательной точки зрения интересен очерк А. Борисова «Зарождение Красной гвардии», в котором популярно рассказывается о том, как большевики Оренбурга создавали вооруженную силу революции, мобилизовывали рабочих на борьбу с дутовщиной. Автор называет имена некоторых активных организаторов и руководителей Красной гвардии. Привлекает внимание статья Н. Постникова «Борьба

³⁵ К двадцатилетию освобождения Удмуртии от колчаковщины. Материалы и документы. Ижевск, 1939.

³⁶ Гражданская война в Оренбургском крае. По воспоминаниям участников гражданской войны и документам. Оренбург, 1939.

за Оренбург в 1917—1918 гг.», написанная на основе изучения документов Чкаловского областного архива, материалов местного истпарта, газет, воспоминаний и имеющейся литературы. Статья посвящена боевой деятельности красногвардейских отрядов, которыми командовал назначенный Советским правительством чрезвычайным комиссаром по борьбе с дувовщиной П. А. Кобозев. Героическая оборона Оренбурга советскими войсками весной 1919 г. отражена в воспоминаниях И. Ломакина и М. Заикина.

В сборнике помещен ряд документов. Среди них есть приказы Военно-Революционного комитета, касающиеся обороны Оренбурга, обращения советских и партийных организаций к рабочим, железнодорожникам, трудовым казакам с призывом мобилизовать все силы на борьбу с контрреволюцией, постановление ВЦИК о награждении знаменем трудящихся Оренбурга за героическую защиту города в период наступления Колчака.

В течение 40—начала 50-х гг. литература по истории гражданской войны на Урале почти не издавалась. Отдельные материалы, посвященные строительству Красной Армии и борьбе с колчаковщиной, публиковались в газетах, журналах, краеведческих сборниках в связи с различными юбилейными датами³⁷. Следует выделить обобщающие статьи. Одна из них написана А. Пятницким, другая подготовлена созданным в начале 40-х гг. на базе истпарта Свердловским институтом истории большевистских организаций на Урале³⁸. Авторы попытались проанализировать основные направления в деятельности местных советских и партийных органов в годы войны. Но в целом статьи носят иллюстративный характер и содержат мало конкретного фактического материала.

Основательное изучение истории борьбы за упрочение Советской власти на Урале возобновилось в начале 50-х гг. с выходом в свет монографии А. И. Устькачкинцевой³⁹. Автор использовала большое количество источников, в том числе документы архива Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б), Цент-

³⁷ См.: *Наранович Д.* Первые уральские и красноармейские полки. — *Уральский рабочий*, 1942, 21 февр.; *Женщины Урала в гражданской войне*. — В помощь агитатору, 1943, № 42; *Рычкова Г.* Первые отряды Красной Армии в борьбе за Урал. — *Уральский рабочий*, 1943, 18 февр.; *Быстрых Ф.* Освобождение Урала от Колчака. — В помощь пропагандисту и агитатору, 1945, № 6; *Шустов В.* Слава героям гражданской войны. — *Уральский рабочий*, 1949, 15 июня; *Рычкова Г.* Освобождение Екатеринбурга. — *Уральский рабочий*, 1949, 15 июля; *Юферева Я.* Великая победа народа-героя. — *Уральский рабочий*, 1949, 12 июня; *Шведов М.* 34 года со дня освобождения Урала от Колчака. — На смену!, 1953, 15 июля; *Бузунов В.* Уроки истории. — *Уральский рабочий*, 1954, 16 июля; *Рычкова Г.* Боевые дни. — В кн.: Свердловск. Свердловск, 1946.

³⁸ *Пятницкий А.* Гражданская война на Урале. — В кн.: В помощь изучающему историю ВКП(б). Свердловск, 1943, вып. 3; *Большевики Урала в период иностранной военной интервенции и гражданской войны*. — *Уральский рабочий*, 1947, 12 и 15 июля.

³⁹ *Устькачкинцева А. И.* Пермская партийная организация в борьбе за упрочение Советской власти (1918 г.). Пермь, 1953.

рального архива Октябрьской революции, местных партийных и государственных архивов, а также газеты, опубликованные материалы, литературу.

Событиям гражданской войны, развернувшейся на Урале в результате мятежа чехословацкого корпуса и всеобщего выступления кулацко-белогвардейских элементов, посвящена вторая глава монографии. В ней прежде всего рассматривается военно-мобилизационная деятельность Пермской партийной организации. Автор рассказывает о проведении добровольческих мобилизаций коммунистов в Перми, Лысьве, Чермозе, Кунгуре, а также в других городах, заводских поселках и волостях губернии, создании партийных дружин, которые затем становились организационным ядром регулярных полков Красной Армии, о призыве на военную службу рабочих и трудящихся крестьян.

А. И. Устькачкинцева попыталась показать на примере Урала роль коммунистов в строительстве партийно-политического аппарата, в идейном и организационном сплочении бойцов революции. Она впервые отметила деятельность агитационно-просветительных отделов военных комиссариатов и армейских политотделов, упомянула о военно-агитаторских курсах, открытых в Перми по инициативе Уралобкома РКП(б) для подготовки кадров политработников и пропагандистов, о работе партийных конференций, которые прошли в дивизиях 3-й армии и гарнизонах осенью 1918 г. В книге особо подчеркивается активное участие в проведении организационных и политико-массовых мероприятиях петроградских рабочих, прибывших на Урал по партийной мобилизации. В связи с этим автор выделяет роль В. И. Ленина, который настойчиво добивался отправки лучших отрядов рабочего класса на чехословацкий фронт, считая, что именно здесь решалась судьба социалистической революции.

Главное место в монографии занимает проблема тыла, проблема партийного руководства трудовой и общественно-политической жизнью масс в прифронтовой полосе. Постановка и исследование данной проблемы на конкретном фактическом материале являлись серьезным научным вкладом в развитие историографии темы. Правда, ведущая роль рабочего класса в укреплении советского тыла почти не раскрыта. Зато крестьянству она уделила большое внимание.

В книге на конкретном фактическом материале показана острейшая классовая борьба, развернувшаяся в уральской деревне летом 1918 г. Автор правильно отметила, что мятеж чехословацкого корпуса послужил сигналом для широкого выступления всех контрреволюционных элементов, в первую очередь деревенской буржуазии. Кулацкие вооружения охватили многие волости Осинского, Оханского, Усольского, Кунгурского и Красноуфимского уездов. Мятежники стремились дезорганизовать тыл, поставить под удар коммуникации Красной Армии, сорвать снабжение фронта и рабочего населения хлебом, путем зверского террора и наси-

лий заставить трудящихся крестьян отказаться от поддержки Советской власти. Все это чрезвычайно осложняло военную и политическую обстановку.

Предпринимая военные меры против кулачества, большевистские организации губернии вместе с тем развернули в деревне широкую разъяснительную работу, чтобы отвлечь от контрреволюционного движения массы среднего крестьянства. Эту работу вели специально подготовленные агитаторы. Они созывали в деревнях митинги, разъясняли крестьянам политику Советской власти, помогали разобраться в классовой сущности кулацко-белогвардейских выступлений.

Чрезвычайно интересны, хотя и очень кратко содержащиеся в книге сведения о деятельности в деревне рабочих продовольственных отрядов. По свидетельству автора, передовые рабочие заводов Пермской губернии, возглавляемые коммунистами, приняли деятельное участие в осуществлении продовольственной монополии, в изъятии у кулачества хлебных излишков. Они выделили из своей среды сотни продовольственных отрядов, действовавших главным образом по Каме, в Осинском и Оханском уездах.

Наиболее оригинальными и содержательными являются разделы, посвященные комитетам деревенской бедноты. Автор первым из историков попыталась проанализировать и обобщить фактический материал, который характеризовал выдающееся значение этих опорных пунктов диктатуры пролетариата в деревне в деле укрепления тыла Красной Армии на Урале.

В книге приведены постановления уездных конференций РКП(б) о мобилизации партийных сил для работы с крестьянством, на ряде примеров показана практическая деятельность местных коммунистов, заводских рабочих, продармейцев, работников политотделов по созданию комитетов деревенской бедноты. Вместе с тем А. И. Устьячкинцева отмечает, что организация беднейшего крестьянства в Пермской губернии шла медленно. Такое положение автор объясняет преобладанием в уральской деревне влияния эсеров, сознательно срывавших проведение в жизнь Декрета о комбедах. Большевики вели недостаточно активную борьбу за крестьянские массы. В этом были повинны будто бы троцкисты и «левые» коммунисты. Пробравшись в руководящие партийные и советские органы, они всячески тормозили развертывание социалистической революции в деревне, фактически прикрывали и поощряли подрывные действия кулацкой агентуры. Деревенские ячейки не получали необходимого руководства и помощи, систематической партийно-политической работы во многих волостях не велось. В результате слабой активности коммунистов кулакам удалось кое-где проникнуть не только в Советы, но и в комбеды, использовать их в своих классовых интересах. Положение усугублялось еще и тем, что некоторые местные работники пытались противопоставить комбеды среднему крестьянству, уравнивать его в политических правах с кулачеством.

Все эти недостатки, подмеченные А. И. Устькачкинцевой, действительно имели место. Однако к объяснению причин кулацкого эсеровского засилья в деревне автор подошла упрощенно, связывая политические и военные трудности Советской власти исключительно с вредительством троцкистов и почти полностью сбрасывая со счета значение социально-экономических факторов.

К сожалению, автор уклонилась от характеристики тех общих социально-политических результатов, которыми завершилась деятельность комитетов деревенской бедноты на Урале, не показала, в какой мере они выполнили свое назначение.

Исключительно ценными представляются материалы о партийном строительстве в Пермской губернии, использованные в монографии. А. И. Устькачкинцева рассматривает эту проблему в органической связи со всем ходом социалистической революции. Она неоднократно подчеркивает, что прочность Советской власти на местах, особенно в деревне, в решающей степени определилась уровнем партийного руководства. Вот почему Пермский губком РКП(б) в конце концов стал уделять большое внимание пропаганде идей Коммунистической партии и созданию наряду с комбедами партийных ячеек. Обострение классово-политической борьбы, разгул кулацкого террора, контрреволюционные выступления меньшевиков и эсеров — все это объективно способствовало усилению большевистского влияния в деревне.

Что касается общей постановки вопроса о соотношении классовых сил и политических партий на Урале в различные периоды гражданской войны, то здесь А. И. Устькачкинцева проявляет полную беспомощность. Она даже и не пытается проанализировать те экономические и социальные причины, которые обусловили особую остроту классовой борьбы в этом районе страны и в конечном счете привели к временной утрате Советской власти. Игнорируя специфику социально-экономического развития Урала, А. И. Устькачкинцева старается подогнать описываемые события под догматическую схему «Краткого курса истории ВКП(б)». В духе этой схемы трактуется, в частности, вопрос об изменении позиций среднего крестьянства под влиянием уроков гражданской войны. Автор пишет: «Таким образом, в Пермской губернии, как и в центральных губерниях Советской России, в октябре — ноябре 1918 г. определился поворот крестьян-середняков в сторону Советской власти»⁴⁰. Между тем отдельные постановления крестьянских съездов о поддержке Красной Армии, приведенные в книге, еще не дают основания для такого категорического заключения. Сам автор вынужден был констатировать непрочность тыла советских войск во время решающих боев на Пермском направлении. Но он объяснил этот факт весьма упрощенно, сославшись на провокационные дей-

⁴⁰ Устькачкинцева А. И. Пермская партийная организация в борьбе за укрепление Советской власти (1918 г.), с. 115.

ствия троцкистов, которые извратили классовую сущность Декрета о единовременном чрезвычайном налоге и таким образом снова обострили обстановку в деревне.

*

*

Дальнейшее развитие историографии гражданской войны в рассматриваемый период представляет собой весьма противоречивый процесс. В результате предшествующего накопления научных знаний уже в первой половине 30-х гг. были созданы необходимые условия для широкого развертывания исследовательской работы в области военно-исторической тематики. Важнейшим из этих условий нужно считать решительное преодоление идеологического воздействия буржуазных элементов на общественное сознание советского народа и окончательное утверждение марксизма-ленинизма, как единственно правильного метода объективного познания прошлого. Прочно овладев марксистской методологией, ленинским теоретическим наследием, наши историки смогли глубже раскрыть закономерности гражданской войны. Они более четко уяснили себе соотношение сил революции и контрреволюции на разных этапах войны, дали принципиальную партийную оценку поведения тех или иных общественных классов и политических партий. В литературе конкретнее определилось решающее участие народных масс, прежде всего рабочего класса, в борьбе с белогвардейцами и интервентами.

Исключительно важное внимание стало уделяться изучению выдающейся роли Коммунистической партии как непосредственного организатора и вдохновителя наших побед на фронтах гражданской войны.

Другим необходимым условием для конкретной разработки проблематики темы явилось вовлечение в научный оборот большой массы новых источников. На данном этапе исследование основных проблем истории гражданской войны ведется главным образом на базе неопубликованных документов и материалов, сосредоточенных в центральных и местных архивах. Широко используются документальные публикации, статистические сборники и периодическая печать. Важнейшим видом источников становятся произведения В. И. Ленина, постановления Коммунистической партии и Советского правительства. Что касается воспоминаний, то они полностью сохраняют свое источниковедческое значение, а некоторые из них, написанные с привлечением документальных материалов, приобретают исследовательский характер.

Общий подъем всей собирательской, научно-исследовательской и публикаторской работы был обусловлен теми мероприятиями, которые осуществлялись в связи с подготовкой издания многотомной истории гражданской войны. Постановление Центрального Комитета партии нацелило историков на разработку наиболее важных социально-политических и военных проблем.

К этому делу были привлечены опытнейшие кадры. Интенсивно отбирались и изучались материалы. На местах комиссии содействия под руководством истпартов и при поддержке широкой общественности приступили к изданию целой серии воспоминаний, сборников, документов, тематических монографий и обобщающих работ. В частности, литература по истории гражданской войны на Урале пополнилась в первой половине 30-х гг. рядом значительных произведений, посвященных преимущественно боевой деятельности частей и соединений Красной Армии, а также военным событиям в национальных районах края.

Однако этот естественный процесс совершенствования методологии и методики исторического исследования натолкнулся на ряд трудностей.

Как было показано, в литературе утвердился субъективистский, догматический подход к объяснению событий гражданской войны. Он придал проблематике одностороннее направление, фактически исключив всякую возможность объективного изучения наиболее сложных общественных явлений, которые определяли ход военных действий. Роль народных масс как движущей силы истории была принижена. На первое место выдвинулись различного рода субъективные факторы, и прежде всего деятельность отдельных личностей. Это означало прямое отступление от ленинской концепции истории гражданской войны.

И тем не менее развитие исторической науки продолжается. Крупный вклад в историографию темы внесли военные историки. В их работах обобщен богатый архивный материал, касающийся строительства Красной Армии и борьбы с колчаковщиной. На широкой источниковедческой основе был разработан принципиально важный вопрос о роли внешней контрреволюции, возглавляемой американскими империалистами, в организации гражданской войны на востоке. Конкретному исследованию подверглась деятельность местных партийных организаций по укреплению тыла Красной Армии и руководству массовым движением сопротивления на оккупированной врагом территории.

ЛИТЕРАТУРА

Азовцев Н. Н. Военные вопросы в трудах В. И. Ленина. М., Воениздат, 1972.

Васьковский О. А. Деятельность Уральского (Свердловского) истпарта по разработке истории гражданской войны. — В кн.: Из истории партийных организаций Урала. Сб. ст. Свердловск, УрГУ, 1966.

Васьковский О. А. Проблематика истории гражданской войны в произведениях В. И. Ленина. — В кн.: Вопросы истории Урала. Свердловск, УрГУ, 1967.

Васьковский О. А. Проблематика истории гражданской войны на Урале в советской исторической литературе. — В кн.: Вопросы историографии гражданской войны на Урале. Свердловск, УрГУ, 1967.

Васьковский О. А. Проблемы социальных отношений на Урале периода гражданской войны в советской исторической литературе. — В кн.: Историческая литература на Урале за 50 лет. 1917—1967. Материалы 3-й науч. сессии вузов Урал. экон. р-на. Ист. науки. История СССР. Свердловск, УрГУ, 1967, вып. 1.

Васьковский О. А. Советская историография гражданской войны на Урале (начало 30-х—середина 50-х гг.). — В кн.: Вопросы истории Урала. Свердловск, УрГУ, 1969.

Васьковский О. А. Советская историография гражданской войны на Урале. — В кн.: Вопросы советской историографии Урала. Свердловск, УрГУ, 1967.

В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., Мысль, 1970, гл. 6. *В. И. Ленин и советская историческая наука о классах и партиях в гражданской войне.*

Городецкий Е. Н. Ленин — основоположник советской исторической науки. История советского общества в трудах В. И. Ленина. М., Наука, 1970, гл. 3. История гражданских войн и иностранной интервенции в трудах В. И. Ленина (1919—1920 гг.).

Ленинское учение о союзе рабочего класса с крестьянством. М., Наука, 1969, гл. 4. Военно-политический союз рабочего класса с крестьянством (1918—1920 гг.).

Наумов В. П. К историографии белочешского мятежа в 1918 г. — В кн.: Сборник статей по истории рабочего класса и советской историографии. М., Госполитиздат, 1958.

Наумов В. П. Летопись героической борьбы. Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР. М., Мысль, 1972.

Плотников И. Ф. Историография большевистского подполья на Урале в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1919 гг.). — В кн.: Из истории уральских партийных организаций. Сб. ст. Свердл. горн. ин-т, 1967, вып. 2.

Рощевский П. И. К вопросу историографии гражданской войны в Зауралье в 1918—1920 гг. — В кн.: Сборник материалов научной сессии вузов Уральского экономического района (февраль 1963 г.) Ист. науки. Свердловск, 1963.

Скрябов В. С. Партийно-политическая работа в частях Красной Армии на Урале в годы гражданской войны. (Обзор источников и литературы). — В кн.: Вопросы историографии гражданской войны на Урале. Свердловск, УрГУ, 1967.

Шелестов Д. К. Советская историография гражданской войны и военной интервенции в СССР. — Вопросы истории, 1964, № 2.

Шерман И. Л. Советская историография гражданской войны в СССР. Харьк. ун-т, 1964.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая. Становление советской историографии гражданской войны на Урале в 20—начале 30-х гг.	
Теоретическое наследие В. И. Ленина — основа научной историографии гражданской войны	6
Собирательская и публикаторская деятельность истпартов в области истории гражданской войны	12
Исследование военно-политических и социальных проблем истории гражданской войны	20
Борьба за утверждение ленинского принципа партийности в историографии гражданской войны	32
Глава вторая. Изучение событий гражданской войны на Урале за период с начала 30—до середины 50-х гг.	
Усиление собирательской и исследовательской работы в связи с подготовкой многотомной истории гражданской войны	42
Дальнейшее исследование военных и политических проблем истории вооруженной борьбы с контрреволюцией на Восточном фронте	59
Литература	75

Олег Андреевич
Васьковский

ИСТОРИОГРАФИЯ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА УРАЛЕ

Учебное пособие

Редактор И. П. Кувшинова
Технический редактор Э. А. Максимова
Корректор А. П. Рычкова

Темплан 1981, поз. 367

Сдано в набор 23.03.81. Подписано в печать 31.08.81. НС 12193.
Формат 60х90¹/₁₆ Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 4,75. Усл.-изд. л. 5,0. Тираж 500 экз.
Заказ 286. Цена 10 коп.

Уральский ордена Трудового Красного Знамени государственный
университет им. А. М. Горького. Свердловск, пр. Ленина, 51.

Типолаборатория УрГУ, пр. Ленина, 51.